

INSPIRIA

МАДЬЯРСКИЕ

ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ

ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ

ЖЕНЩИН-УБИЙЦ

В ЭТОЙ ДЕРЕВНЕ ПОЧТИ
НЕ ОСТАЛОСЬ МУЖЧИН.
ИХ ВСЕХ ОТРАВИЛИ ЖЕНЩИНЫ...

ПАТТИ МАККРАКЕН

INSPIRIA

Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Патти Маккракен

**Мадьярские отравительницы.
История деревни женщин-убийц**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Маккракен П.

Мадьярские отравительницы. История деревни женщин-убийц
/ П. Маккракен — «Эксмо», 2023 — (Tok. True Crime Story.
Главный документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-200027-0

В ЭТОЙ ДЕРЕВНЕ ПОЧТИ НЕ ОСТАЛОСЬ МУЖЧИН. ИХ ВСЕХ ОТРАВИЛИ ЖЕНЩИНЫ... ИСТОРИЯ САМОГО МАССОВОГО УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ЖЕНЩИНАМИ, — ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ ИЗ ВЕНГРИИ УБИЛИ ОТ 50 ДО 300 ЧЕЛОВЕК. Самые масштабные серийные убийства, совершенные женщинами, произошли в тихой венгерской деревушке после Первой мировой войны. Жужанна Фазекаш, местная повитуха, умело извлекала мышьяк из липучки для мух — и предлагала женщинам избавиться от мужчин, ставших обузой после возвращения с войны. Вначале те использовали яд тетушки Жужи, чтобы освободиться от жестоких и тяжелобольных супругов, но постепенно смелели. Больные старики, нежеланные дети, провинившиеся мужья — все становились жертвами яда из-за домашнего насилия, нищеты или желания получить наследство. Вскрылись преступления лишь в 1929 году, когда в преступную авантюру были втянуты уже несколько десятков женщин, отравления мужчин стали обыденностью, а число только доказанных жертв достигало 50 человек... Захватывающая и художественная, книга рассказывает, на какие злодеяния толкает женщин безысходность и как эти преступления длиной в полтора десятилетия стали известны на весь мир. «Когда женщины в тихой отдаленной деревне Надьрев в Венгрии чувствовали, что больше не выносят бремя заботы о своих мужьях и плохое обращение, они обращались за советом к тетушке Жуже. У повитухи было простое решение любой проблемы — пузырек с мышьяком в кармане фартука. Патти Маккракен оживляет виды, звуки и запахи крестьянской деревушки, кропотливо реконструируя одно из самых загадочных массовых убийств в истории». — Патрик Перри, главный редактор журнала The Saturday Evening Post «Мрачная, макабрическая

история, рассказанная в захватывающей тру-крайм манере». — Vineyard Gazette

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-200027-0

© Маккракен П., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	8
Две могилки и удачная партия для брака	8
Возвращение домой	23
Смертельный грипп, павшая империя и несбывшиеся мечты	38
«Пой, мой дорогой мальчик!»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Патти Маккракен

Мадьярские отравительницы

История деревни женщин-убийц

Patti McCracken

THE ANGEL MAKERS: Arsenic, a Midwife, and Modern History's Most Astonishing Murder

Ring

Copyright © 2023 by Patricia Nell McCracken

© Мовчан А. Б., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Иллюстрация на обложке книги Дарьи Васильченко

* * *

В память о моем отце Дж. Эверетте Маккракене

Примечание автора

Изложенные в этой книге исторические события имеют под собой реальную основу. Все описанные факты произошли именно так, как здесь представлено, – либо так, как они мне увиделись после того, как я ознакомилась с многолетними исследованиями, многочисленными интервью, пухлыми протоколами судебных заседаний и сведенными воедино пыльными томами архивов.

Тем не менее в ряде случаев, чтобы заполнить пробелы в этой истории, мне приходилось прибегать к игре воображения. Я старалась при этом строго следовать логике повествования.

Если то или иное высказывание поставлено в кавычки, это означает, что оно является цитатой из архивных материалов.

*Если твой муж достал тебя,
Попотчий его белладонной,
Да перца добавь для услады,
И к вечеру сляжет уж он.
Из венгерской народной песни*

«Надьрев расположен в излучине реки Тиса, в небольшой долине площадью около тридцати шести квадратных километров. Он представляет собой старенькую деревеньку, раскинувшуюся на речном берегу, с низкими белеными лачугами посреди садов, в двадцати пяти милях от ближайшей железнодорожной станции.

Когда стало известно об имевших здесь место событиях, в Будапеште озадачились и устыдились тем, что всего в ста километрах от столицы посреди сельского безмятежного покоя обнаружилась эта чумная зараза. В Надьрев ринулись целые орды столичных газетчиков и падких на сенсацию персон, задавшихся целью понять, как такое могло случиться и что этому способствовало. Они нашли [в деревеньке] бедных крестьян, существование которых полностью зависело от земельных участков и виноградников. Эти участки, и так по себе небольшие, приходилось делить между подраставшими сыновьями, приходившими на смену своим отцам. Деревенька была со всех сторон стиснута обширными поместьями, словно стальным обручем, поэтому не могла расширяться, и молодежь была лишена надежд как на новый земельный участок, так и на какие-либо другие перспективы в своей жизни. В результате этого порочного круга рождавшиеся дети превращались из благословения в проклятие... Однако такая ситуация оказалась весьма благоприятна [для деятельности тетушки Жужи].

После того как случившееся здесь было предано огласке, деревня [Надьрев] получила широкую известность. Ее дурная слава опорочила репутацию всей Венгрии. Эта ужасная история прогремела даже за пределами страны. Лично я испытал настоящий шок, обнаружив, что в ста километрах от столицы есть местечко, в котором царят нравы, свойственные скорее самому мрачному периоду Средневековья, чем нашему времени.

Для 1930 года эта история действительно совершенно удивительна».

*Джон (Джек) Маккормак, глава венского бюро издания «Нью-Йорк таймс»,
февраль 1930 года*

Часть первая Убийства 1916–1925 годов

Две могилки и удачная партия для брака

Запредельная дерзость и абсолютная бессердечность, с которыми преступницы вершили свои ужасные дела, могли сравниться лишь с глупостью мужчин, ставших их жертвами, с бестолковым простодушием мужей и отцов этих преступниц. Мужчины видели, как их приятели и родственники один за другим умирали в муках, внезапных, необъяснимых и поразительно схожих, однако так и не удосужились попытаться разгадать ту тайну, которую, похоже, знали (или же о которой догадывались) практически все женщины [в Надьреве].
Джек Маккормак, «Нью-Йорк таймс»

Среда, 16 августа 1916 года

Анна Цер лежала на полу в своем доме.

Ее спина покраснела и нестерпимо зудела. Она провела на мешковине, которую постелила для нее повитуха, уже несколько часов, и от грубой ткани на ее коже появилось множество мелких царапин. Анна была вся в прилипших к ней нитях дерюги и истекала потом. Она не успела прибраться в доме и теперь металась в грязи и пыли. От всего этого она невыносимо страдала и готова была просто сойти с ума.

Ее жесткие каштановые волосы разметались по шее и плечам. Анна лихорадочно провела ладонью по лбу, чтобы убрать с него мокрые пряди, но те вскоре снова оказались на прежнем месте. Крупные жгучие капли пота заливали ей глаза, они катились по ее лицу, словно ручьи слез.

Анна в очередной раз охнула, ухватилась за мешковину обеими руками и выгнулась от боли, которая насквозь пронзила ее. Она слышала, как ее собственные крики переплетаются с хриплыми командами повитухи, которые та отдавала, склонившись над ней.

После того как волна боли прошла, Анна медленно, осторожно выдохнула и сосредоточилась на словах повитухи. Она напонила себе, что раньше, когда она прислушивалась к этим отрывистым командам и следовала им, ей становилось легче.

Вскоре она почувствовала, что тетушка Жужи положила ей на живот теплую влажную ткань и теперь осторожно прижимала ее к телу. От компресса исходил слабый запах растительного масла, входившего в состав эликсира, который повитуха использовала, чтобы расслабить мышцы и приглушить боль.

Боль медленно проходила. Анна, обессиленная, откинулась на мешковину. Ее ноги дрожали от изнеможения. Ладони горели от того, что она слишком сильно сжимала грубую дерюгу.

Анна была женщиной небольшого роста и хрупкого сложения для женщины с Венгерской равнины¹. Если бы она отличалась красотой, ее можно было бы назвать миниатюрной, но Анна представляла собой сплошные бугристые кости с хилыми мышцами. Когда эта беспорядочная геометрия жестких углов двигалась, складывалось впечатление, что она в любой момент может случайно наткнуться на окружающие ее предметы.

---

¹ Венгерская равнина – равнина, занимающая в настоящее время большую часть современной территории Венгрии (около 56 %), лежит на юго-востоке страны. До того, как по Трианонскому договору 1920 года Венгрия лишилась двух третей своей первоначальной территории в качестве страны, потерпевшей поражение (как правопреемница Австро-Венгрии), ее называли также Великой венгерской равниной. (Здесь и далее прим. пер.)

Ее кожа была почти прозрачной. Под ней, словно на каком-то причудливом витраже, просматривались тонкие голубые вены. Анна всегда была тощей и костлявой, без капли жира, только теперь появившийся солидный живот выдавал ее беременность.

Тетушка Жужи провела с Анной большую часть дня. Она ходила вокруг нее, тяжело ступая босыми ногами по прохладному земляному полу. Свои ботинки она оставила на крыльце, появившись ранее в тот день в доме Анны вместе с ее мужем Лайошем, которого с тех пор тетушка больше не видела. Она начинала уже беспокоиться, куда он мог подеваться.

Тетушка Жужи, как всегда, была одета в черное хлопковое платье с фартуком поверх него. В карманах своего фартука она хранила все самое необходимое. В одном из них находилась трубка из кукурузного початка и небольшой мешочек с ее любимым табаком, а также коробок спичек. В другом был стеклянный флакон со специальным снадобьем, закрытый деревянной пробкой и завернутый в белую бумагу. Она считала его одним из ключевых элементов своего магического ремесла.

Повитуха порылась в кармане фартука и вытащила свою трубку. Она разожгла ее и сделала глубокую затяжку, обдумывая различные варианты сложившейся ситуации. Она помнила, что Лайош никогда не уходил слишком далеко. Исходя из этого, она решила, что он мог либо валяться в хлеву, либо застрять в корчме. Повитуха выдохнула маленькое прозрачное облачко белого дыма, которое ненадолго повисло перед ней, прежде чем раствориться в воздухе. Где же все-таки был Лайош? Этот вопрос ее занимал все больше.

Дом, в котором сейчас находилась тетушка Жужи, изрядно угнетал ее. Он был совсем небольшим, а потолок – таким низким, что повитуха при желании могла, приподнявшись на цыпочках, прикоснуться к нему своей пухлой рукой. На голых стенах находилось лишь несколько католических икон, вставленных в самодельные рамы. Они свисали с крюков на грубой бечевке, которую Анна взяла в хлеву. Повитуха в очередной раз убедилась в том, что у католиков в Надьреве – самый незавидный удел, что они здесь – беднейшие из бедных и зачастую не имеют и клочка земли. И Анна – яркий тому пример.

К дальней стене был криво прислонен разваливающийся буфет. На одном крюке рядом висело рваное полотенце, на другом – календарь, подарок сельского совета. На полу валялось старое деревянное ведро, которым Анна носила воду из колодца, рядом стоял табурет. На столе стояло несколько мисок, некоторые были треснуты либо с отбитыми краями. Там же находилась парафиновая лампа, для которой у Анны, похоже, никогда не хватало масла. Вдоль стены располагалась единственная в доме деревянная скамья, на которой можно было посидеть – и ничего больше. Чтобы поспать вместе с детьми, Анна раскатывала на полу комнаты соломенные циновки. Когда Лайош приходил из корчмы, он валился здесь же на пол, оглашая комнату своим хриплым храпом.

Дом был наполнен нищенским хламом, душераздирающей смесью разбросанных повсюду старых вещей, напоминавших о несложившейся жизни. Тетушка Жужи чувствовала себя среди них оскорбленной. Все эти вещи имели примерно такую же ценность, как и та грязь, которую она выметала с дорожки на своем дворе. Однако она была расстроена этим зрелищем еще и потому, что оно напомнило ей о ее собственной прошлой бедности и лишениях давних лет, о которых она предпочла бы начисто забыть.

Дом состоял из единственной комнаты и кухни, и входная дверь никогда не закрывалась, поскольку у нее не было засова. Надьрев был деревней с домами без замков, засовов или защелок. Обычно это вполне устраивало тетушку Жужи, но не в этот день.

Она бросила взгляд на дверь. Та была испещрена царапинами и глубокими порезами и выглядела так, словно ее перетаскивали из еще более ветхого дома. Она криво висела в проеме, и слабые лучи света проникали в комнату сквозь образовавшиеся щели.

В течение всего дня тетушка Жужи подходила к окну, чтобы посмотреть на мешанину белых хибар. Домишки были совсем крошечными и расположены так же беспорядочно, как

сломанные ветки, упавшие на лесную тропинку. В большинстве из них не было и четырех комнат, а чаще всего они могли похвастаться лишь двумя. Деревня представляла собой паутину из грунтовых дорог и тропинок, плотно заставленных такими домами. Повитуха могла убедиться в правдивости старой венгерской пословицы, которая гласила, что крестьянин строил дом там, где кирпич случайно выпадал из его телеги.

Тетушка Жужи еще раз задумчиво затянулась из своей трубки, не отрывая взгляда от окна. Она могла видеть во дворе маленькую дочь Анны, для которой та смастерила куклу из кукурузной шелухи и бечевки. Маленькая девочка любила играть с ней в маленьком дворике на клочке травы перед домом у канавы, устроившись прямо среди кур.

Повитуха также видела, как сын Анны то входил во двор, то выходил из него. Вот он неторопливо появился в калитке с длинной прочной веткой и деревянным ведром. Ему было семь лет, и большую часть лета он проводил на берегу Тисы, ловя рыбу своей самодельной удочкой. Теперь он вернулся с реки, так как ему было поручено присмотреть за младшей сестрой.

Даже при закрытой двери тетушка Жужи слышала, как в деревенской корчме скрипят табуреты и скамьи. Корчма была пристроена к крошечному дому Анны Цер, и до тетушки Жужи отчетливо доносилось, как в ней то повышается, то понижается накал страстей по мере того, как она наполнялась послеполуденными посетителями.

Громкий шум вывел повитуху из задумчивости. Она повернулась к двери – и увидела, как дверная ручка дергается вниз и вверх.

У тетушки Жужи не имелось никакой возможности забаррикадировать дверь. Скамья была слишком короткой, чтобы подпереть ее под ручку, и в распоряжении тетушки Жужи больше не было ничего подходящего для этих целей. Дом превратился в ловушку.

Случилось то, чего повитуха как раз и опасалась все это утро.

Дверь широко распахнулась, с размаху ударившись о стену, и со скрипом вернулась на прежнее место.

Послеполуденное солнце ярко осветило комнату и кухню. На мгновение тетушка Жужи смогла в потоке света разглядеть в дверном проеме только нечеткий силуэт Лайоша, однако ворвавшийся в дом отвратительный запах лучше всего подтверждал появление хозяина. От Лайоша разило спиртным, мочой и табаком. Этот запах насквозь пропитал его рубашку и брюки, которые он носил, не снимая, последние несколько дней. Зловоние, исходившее от Лайоша, ощущалось на несколько метров вокруг него.

Капли пота выступали на лице и на шее Лайоша. Он был таким же грязным, как те дворняги, которые бродили по деревенским улицам, и таким же блохастым. Его еженедельное купание в дубовой ванне во дворе не имело особого эффекта, так как он всякий раз никак не мог сосредоточиться на том, чтобы как следует намылиться. Слои грязи глубоко въелись в его кожу, обеспечивая прекрасное убежище для вшей и блох.

Сейчас Лайош был еще пьянее, чем утром. Большинство мужчин в деревне наслаждались первым глотком спиртного после завтрака, а затем уже – следующим глотком ближе к обеду, но ни для кого из деревенских не было секретом, что Лайош любил сделать большой глоток спиртного прежде, чем появится первый луч наступающего дня. То, что он пил, представляло собой смесь перебродивших слив и свеклы, иногда – абрикосов и испортившегося картофеля. Когда этого не хватало, он переходил на вино, которого в деревне всегда было в избытке.

Лайош наклонился к своей жене. Собственные ноги казались ему чужими, негнуцимыми и тяжелыми, как дубовые бревна. Он управлял ими с немалым усилием. Каждый неуклюжий шаг разжигал в нем новый приступ ярости. К тому времени, как он оказался своими грязными ботинками на мешковине, он представлял собой просто кипящий котел ярости. Он наклонился над Анной, хватая ртом воздух, чтобы дать себе паузу, затемдохнул ей в лицо запахом алкоголя и гнилых зубов и прокричал:

– Безмозглая тварь!

Затем Лайош сжал губы, на его лице появилось выражение глубокой сосредоточенности. Он постарался как следует сконцентрироваться, чтобы собрать во рту большой комок слюны, затем наклонил голову и сплюнул в сторону Анны, сопроводив это фразой:

– Если бы ты не была такой стервой, ты бы не беременела каждый год!

Анна крепко зажмурилась, когда Лайош ворвался в комнату. Теперь она закрыла глаза еще крепче. Грубые волокна мешковины врезались ей в ладони, когда она сжала их в кулаки. Начавшиеся схватки прекратились, теперь осталась лишь тошнота. Анна пыталась украдкой поглубже вздохнуть.

Лайош, выпрямившись, занес ногу, чтобы пнуть жену. Пошатнувшись при этом, он изо всех сил замахал руками, пытаясь восстановить равновесие, и отпрянул назад, как будто его кто-то ударил.

Тетушка Жужи воспользовалась этим шансом. Ее босые ноги громко прошлепали по полу, когда она метнулась к непрошеному посетителю, шурша юбкой на своих толстых бедрах. Раскинув руки, она всем телом набросилась на Лайоша. Трубка вылетела у нее из рук. Чувствуя в своих ладонях шершавую рубашку Лайоша, насквозь пропитанную потом, она изо всех сил вцепилась в нее. Престарелая повитуха, казалось, стала выше, чем была на самом деле. Она вряд ли могла справиться с мужчиной такого телосложения, как Лайош, однако ей помогло то, что он был ошеломлен ее внезапным нападением. Тетушка Жужи громко кряхтела, волоча его обратно через всю ярко освещенную комнату к двери, чтобы вытолкнуть затем наружу. По пути Лайош наткнулся на стол, что сопровождалось оглушительным грохотом.

Вышвырнув Лайоша, повитуха захлопнула за ним дверь и прижалась к ней всем телом, словно к баррикаде, в которой она вместе с Анной сейчас остро нуждалась.

Ранее в этот день, когда Лайош был чуть менее пьян, ему достало сообразительности вызвать повитуху, чтобы она приняла роды у его жены. Тетушка Жужи жила недалеко от дома Анны Цер, чуть дальше по Сиротской улице, в доме номер 1.

Дом повитухи был одним из самых красивых в Надьреве. Он располагался на обширном участке. Высокий деревянный забор практически скрывал сад, которым тетушка Жужи очень дорожила, от посторонних глаз. Весной и летом она заботливо ухаживала за великолепными цветами, которые покрывали двор перед домом, словно лоскутное одеяло.

В специальной яме во дворе тетушка Жужи обычно, независимо от погоды, разводила небольшой костер. Ее любимой старой собаке нравилось устраиваться на ночь на месте кострища.

Тетушка Жужи прожила здесь уже более пятнадцати лет. Сельский совет предоставил ей этот дом, когда ее официально назначили деревенской повитухой. Она получала за это вполне приличное жалование, однако наряду с этим привыкла требовать отдельную плату со своих клиентов. По договоренности с сельским советом тетушке Жужи запрещалось брать деньги у бедняков, однако она всегда находила способ получить вознаграждение за свои услуги.

Круг ее обязанностей был достаточно широк, поскольку фактически она выполняла также работу сельского врача. Официальный врач жил в Цибахазе, поселке в восьми километрах от Надьрева, и поездка оттуда занимала по разбитой колее полтора часа. У старого доктора Цегеди в Надьреве был обустроен медицинский кабинет, и доктор приезжал в деревеньку каждый вторник, если только дорога не была размыта или занесена сугробами, а такая неприятность могла продолжаться в течение полугода. В результате жители Надьрева привыкли полагаться лишь на помощь тетушки Жужи.

В кладовке рядом с кухней у нее располагался запас стеклянных флаконов, заполненных снадобьем собственного приготовления, в другом месте втайне от всех у нее хранился запас зелья посолидней.

Тетушка Жужи регулярно готовила новые порции своего снадобья. Она наливала кварту дистиллированного уксуса в керамическую кастрюлю и нагревала ее на плите или над костром

у себя во дворе. Она постепенно убавляла огонь и, как только уксус достаточно нагревался, бросала в него несколько шестиугольных листов липкой бумаги для ловли мух, которую закупала целыми пачками в сельском магазине Фельдмайера на улице Арпада. Магазин находился недалеко от корчмы при доме Анны Цер.

Уксус на огне медленно выпаривался. Это был кропотливый процесс, который занимал несколько часов, но по его окончании тетушка Жужи получала желаемый результат: на дне кастрюли оставался концентрированный раствор «белого мышьяка», который повитуха осторожно разливала по флаконам. Из-за экстракта клея в липкой бумаге жидкость имела молочный цвет, но сам яд был без цвета и запаха, поэтому обнаружить его было практически невозможно. Тетушке Жужи нравилось похвастаться, что «даже сотня врачей не смогла бы найти» следов ее смертоносной настойки в телах жителей деревни, ставших жертвами повитухи.

* * *

Анна снова приподнялась на мешковине и присела на корточки. Ее колени болели от напряжения, ее тощие ноги дрожали от усталости. Струйка пота побежала по ее спине, еще одна струйка проделала извилистую дорожку между двумя маленькими грудями.

Прошло больше часа с тех пор, как Лайош ворвался в дом. Резкий запах застарелой мочи, перемешавшись с отвратительным запахом из его рта, продолжал еще некоторое время стоять в воздухе, удушая Анну даже после его ухода. Только когда этот запах исчез, она смогла расслабиться.

Наступила еще одна схватка. Анна набрала полную грудь воздуха и принялась что было сил тужиться. Она стиснула зубы в напряжении настолько сильно, что почувствовала, как острая боль пронзила также и ее челюсть. Глаза Анны переполнились слезами. Она не смогла сдержаться и издала то ли стон, то ли крик, который, стремительно нарастая, ей самой показался совершенно безобразным.

Тетушка Жужи стояла перед Анной на коленях. Она подвернула свое платье, и ее оголившиеся колени вжались в земляной пол. Опершись руками о землю, она чувствовала, как та холодит ее горячие ладони. День уже клонился к закату, и в комнате стало сумрачно. Тетушка Жужи придвинула к себе лампу, достала из кармана фартука зеркальце и опустила его к самому полу. Сама она также пригнулась к земле. В зеркальце повитуха уже смогла увидеть макушку ребенка, который лежал на боку. Лоснящиеся пучки его спутанных каштановых волос были все в завитушках.

Повитуха знала, что ждать теперь осталось совсем недолго.

Анна сделала еще один глубокий вдох и вновь с громким стоном изо всех сил стала тужиться. Тетушка Жужи в свое зеркальце увидела, как головка младенца пропала, а затем снова появилась, открывшись на этот раз уже гораздо больше, чем раньше.

Еще один полустон-полукрик, еще одно бесконечно долгое усилие – и появилась вся головка младенца. Его влажные взъерошенные волосы обрамляли края крошечных ушек.

Младенец медленно повернул голову влево, затем все его тельце повторило то же движение. Теперь ребенок лежал на другом боку.

Еще одно усилие Анны – и на свет появились плечики ребенка. Тетушка Жужи наклонилась так близко, как только могла, и вытянула руки ладонями вверх.

Анна коротко передохнула, тяжело дыша. Она жадно глотала воздух, словно пытаясь напиться им. Затем она издала истошный крик и, потужившись, сделала еще одно завершающее усилие. Ребенок полностью выскользнул наружу, словно змея из своей кожи, и оказался в руках у повитухи. Маленькая комната наполнилась мускусным запахом новорожденного.

Тетушка Жужи одной рукой нежно сжимала ребенку живот, другой рукой она осторожно погладила ему спинку, чтобы он начал дышать. Крошечный глоток деревенского воздуха наполнил младенцу легкие, и тот начал мяукать.

Тетушка Жужи положила малышку Анне на живот, где та сразу же принялась извиваться, прижимаясь к материнской груди. Она раскрыла свои розовые губки в виде крошечной буквы «о», предвкушая материнское молоко из соска. Анна обхватила свою малышку, придвигая ее поближе к соску. Та тесно прижалась к груди, и Анна смогла различить ямочки на ее миниатюрных щечках, когда та попыталась получить молоко. Когда за этим усилием ничего не последовало, малышка стала делать сосательные движения все активнее и активнее. Она наморщила свой крошечный лобик, и пучок мелких морщинок превратился в маленькие складочки решимости. Когда малышке стало ясно, что ее ожидания не оправдываются, что молока в материнской груди нет, она оторвалась от Анны и принялась издавать сердитые крики голода и презрения.

Анна уже не первый раз подводила своих детей с материнским молоком. Если бы она жила в административном центре Сольнок, она могла бы достать молоко на бесплатном рынке для кормящих матерей, но в Надьреве такого рынка не было. Анна искренне надеялась, что на этот раз все сложится по-другому. Она с нетерпением ждала, когда ее груди наполнятся молоком. Когда этого не произошло, она ощутила страх. Она посмотрела на своего ребенка, который был от напряжения весь красным, как вишня, и буквально дрожал от негодования.

Отчетливо и бесстрастно прозвучали слова повитухи:

– Ты хочешь, чтобы я поступила с ребенком так, как с ним следует поступить?

* * *

Сиротская улица была окружена лесом, где по вечерам можно было услышать вой камышовых волков и трели соловьев, которые разносились по тихим переулкам Надьрева. В этот вечер здесь веял легкий ветерок. На небе стояла практически полная луна, освещающая в темноте путь Петры Джолджарт.

Петра вошла во двор дома, отворив калитку, и, приподняв свое длинное платье, перешагнула через канаву. Целый рой светлячков то вспыхивал, то гас вокруг нее. Воздух был почти неподвижен, и Петра на мгновение остановилась, чтобы прислушаться. Даже находясь в отдалении от своего дома, она могла слышать крики мужа. Она потянулась назад через канаву, чтобы закрыть калитку, затем двинулась по пожухлой траве через двор к дому тетушки Жужи.

Она увидела свет лампы, горевшей в доме повитухи. Затем прошла по ухоженной дорожке до входной двери, миновав кострище, где спала собака. Поднявшись на крыльцо, она постучала в окно. Она не могла заглянуть внутрь, так как повитуха всегда держала занавески задернутыми.

Дома находилась дочь тетушки Жужи, Мара. Она была на несколько лет старше Петры, имела мужа и двоих маленьких детей. Молодая семья Мары делила дом с повитухой, «жила с ней на одном хлебе», как любили говорить в деревне. Тетушка Жужи была вполне довольна таким положением дел. Ей дарила наслаждение сама мысль о том, что ее семья находилась рядом с ней. Помимо страха бедности, ее на самом деле постоянно терзали опасения, что ее дети могут бросить ее, – и она делала все, что было в ее силах, чтобы этого не случилось. Тот факт, что она вышла замуж за того, кого цыгане называют *гадзо*, за белого человека, не принадлежащего к цыганскому сообществу и покинувшего ее дом много лет назад, нисколько не беспокоил повитуху.

Мара была у тетушки Жужи старшим ребенком, за ней следовали двое сыновей. Старший из них был женат, а младший уже успел развестись. Повитуха в разговорах с деревенскими всячески давала понять, что освободившуюся вакансию следует заполнить.

Петра два года жила по соседству с тетушкой Жужи, в доме Амбрушей, дедушки и бабушки ее мужа. Она вместе с новорожденным переехала к пожилой паре, когда началась война² и ее мужа призвали в армию. Иштван провел пять месяцев на передовой. В одном из боев русские ворвались в его траншею, забросав ее гранатами. В этом бою он потерял оба глаза и полгода находился в плену, прежде чем ему позволили вернуться домой в Венгрию.

Именно страдания мужа привели Петру в этот вечер в дом своей соседки. В последние месяцы невыносимые боли совершенно измучили Иштвана, а безжалостная бессонница подталкивала его к грани безумия. Петра надеялась на то, что повитуха сможет дать ей что-нибудь, что помогло бы Иштвану.

Она снова постучала в окно. В ожидании ответа она посмотрела вниз на свои деревянные башмаки, все мокрые от росы, с прилипшими к ним травинками. После этого Петра взглянула на собаку во дворе, грудь которой ритмично то поднималась, то опускалась во время сна. Выждав какое-то время, Петра вновь постучала по стеклу. Еще один порыв ветерка пронесся по округе, шелестя листьями и поскрипывая ветвями старых деревьев. Даже находясь на крыльце повитухи, Петра продолжала слышать крики Иштвана.

Занавеска внезапно отдернулась, и Петра увидела в окне Мару, которая была хорошо видна благодаря лампе, висевшей над столом. Мара отрицательно покачала головой и жестом руки указала на табличку возле ворот. Самодельная табличка с изображением младенца была отцеплена от столба и лежала на земле – знак того, что повитуха находилась где-то на вызове. Петра не обратила на это внимания, входя во двор. Поняв свою ошибку, она повернулась и направилась по тропинке обратно к калитке, стараясь не разбудить спавшую собаку.

* * *

Малышка прекратила попытки добыть молоко, поджала пальчики на ножках, сжала свои крошечные ручки в кулачки и в ярости выгнула спинку. Анна притянула ее ближе, но утешить ребенка не смогла. Тот наполнил дом пронзительными криками.

Анна, опустив глаза, посмотрела на кудряшки, украшавшие головку ее новорожденной дочки. У ее малышей всегда были красивые локоны, которые она любила гладить. Этот младенец был поразительно похож на двух других ее детей сразу же после их рождения. Анне на какое-то мгновение показалось, словно она вновь держит на руках одного из них – и именно в этот момент она поняла, что, как бы ни старалась ее малышка, она никогда не сможет извлечь ни капли молока из пустой груди своей матери.

Осознав это, Анна ответила повитухе на ее жестокий вопрос:

– Мне все равно.

После этого Анна откинулась на мешковину, а тетушка Жужи занялась своим делом. Она проковыляла на кухню и нашла там кусочек сахара и *финджу*, маленькую чашечку, из которой жители деревни пили крепкий кофе по-турецки. Повитуха налила в кофейную чашечку немного воды из кувшина, который нашла на столе, положила туда же кусочек сахара, затем вытащила из кармана фартука стеклянный флакон. Сняв с него белую бумагу, она вытащила из горлышка деревянную пробку, накапала немного зелья в чайную ложку и смешала его со сладкой водой. После этого она вернулась с чашкой в комнату, окунула палец в полученную смесь, слегка поболтала им там. Затем, вынув палец из чашки, тетушка Жужи помазала зельем язычок и губки новорожденной.

---

² Имеется в виду Первая мировая война.

* * *

Ночной сторож совершал обход по Сиротской улице. Его темный, пропахший плесенью плащ был наброшен на костлявые плечи, скрывая хлеб и фляжку, которые он прятал от чужих глаз. Его дежурство продолжалось всю ночь, до самого восхода, и он за свою смену успевал три или четыре раза обойти нагромождение боковых улочек.

Сторож неторопливо прошел мимо дома повитухи. В этот час там было темно, но в соседнем доме горела лампа. Окна были плотно закрыты от холодного ночного воздуха, однако сторож мог расслышать крики, доносившиеся из дома старого Амбруша. Если бы такие крики раздавались в любом другом доме деревни, то сторож непременно попытался бы прояснить, в чем дело. Но он знал о проблемах, с которыми столкнулась пожилая пара, жившая в этом доме, с тех пор как их внук, Иштван Джолджарт, вернулся с фронта. Об их трагедии знали все жители деревни, поэтому сторож спокойно продолжил свой обход.

Иштван лежал дома в своей постели. В его голове царила полная неразбериха. В течение вот уже почти года там стоял хаос, Иштван не мог ни на чем сосредоточиться. Он часто проводил без сна три дня подряд, и четыре, и пять дней, и его единственным спасением от бессонницы была слепая ярость. Он осквернял спальню грязными ругательствами. Он осыпал ими и свою жену, и бабушку с дедушкой. Во время этих приступов его рот служил ему лишь для того, чтобы выкрикнуть очередное проклятие в адрес каждого, имевшего несчастье оказаться рядом с ним.

Его ругань могла извергаться целыми часами. Это был еженощный всплеск ненависти и тоски, который подпитывался болью, паникой и жалостью к самому себе.

Петра, бабушка и дедушка пытались установить для себя график, чтобы каждому по очереди хоть немного поспать (или же, по крайней мере, отдохнуть), однако в доме не было места, где можно было бы укрыться от неистовых ругательств. Петра пыталась спать вместе со своей дочкой в хлеву, поскольку именно так часто поступал старый Амбруш – ведь крестьяне обычно в хлеву старались схорониться от различных невзгод. Но даже там, вне дома, ругань все равно доносилась до них, как она доносилась и до сторожа, когда он проходил мимо.

Вспышки гнева Иштвана перемежались периодами глухого молчания, когда он пытался заставить себя провалиться в сон. Он старался обмануть самого себя, оставаясь неподвижным. Он надеялся, что, если долго будет лежать без малейшего движения, то для него откроется портал в бессознательное состояние, и он сможет проскользнуть туда. Однако через какое-то, достаточно короткое, время в его голове начинала возникать целая череда образов, гротескных, вызывающих тревогу лиц и пугающих звуков – продукт изголодавшегося по отдыху мозга. Эти галлюцинации словно издевались над ним. Иштван был уверен, что постепенно сходит с ума.

На тумбочке рядом с его кроватью лежали очки в проволочной оправе, под линзами которых были искусно закреплены овалы плотной черной материи. Эти очки несколько месяцев назад ему выдали в госпитале для слепых в Будапеште. Там же ему установили глазные протезы. Иштван провел большую часть прошлого года в госпитале для слепых и в госпитале «Зита», который также находился в Будапеште. Он пришел в госпиталь для слепых, чтобы овладеть в его стенах какими-то новыми трудовыми навыками. В результате он научился делать веники и плести корзины. В госпитале же «Зита» врачи пытались вылечить его многочисленные недуги: от пневмонии до острых болей в кишечнике. Госпитали страны были переполнены вернувшимися с войны молодыми парнями, такими же, как и Иштван, но из-за блокады³ запасы медикаментов быстро иссякли. Не было ни лекарств для больных, ни бинтов для ране-

---

³ Речь идет об экономической блокаде Тройственного союза, в состав которого входила Австро-Венгрия.

ных, ни простыней для кроватей. Врачам приходилось накладывать на раны обрывки бумаги в надежде, что этого будет достаточно, чтобы уберечь пациентов от заражения.

Иштван совсем недавно вернулся в Надьрев морально сломленным двадцатипятилетним парнем. Он постоянно говорил Петре, что предпочел бы погибнуть на поле боя, чем испытывать такие мучения, как сейчас.

Еще не было и трех часов ночи, когда Петра осторожно прошла на кухню. Она зажгла лампу на столе, поднялась по лестнице на открытый чердак над кладовой, взяла из корзины охапку соломы и вернулась на кухню. Там она подняла щеколду на топке дровяной печки, бросила туда принесенную охапку соломы и разожгла огонь. Затем Петра поставила в печь нагреваться кувшин с водой, который старая хозяйка Амбруш собиралась утром использовать для уборки по дому. После этого Петра пошла в хлев подоить коров. Незадолго до рассвета она должна была пойти на работу в поле.

Война практически опустошила Надьрев, лишив его мужчин (хотя сыновья тетушки Жужи сумели избежать призыва в армию). Петра и другие жены взвалили на свои плечи всю крестьянскую работу. Каждое утро в четыре часа они выходили работать в поле. Длинная вереница хлипких подвод освещала мерцавшими лампами темную деревню. В ночном воздухе раздавалось лязганье трясущихся в подводах сельскохозяйственных инструментов. Топот лошадиных копыт был похож на барабанную дробь в честь крестьянок, покидавших деревню, чтобы делать работу своих мужей. Они миновали длинный ряд тополей, которые стояли ровно, словно бесстрастные стражники, и выходили на бескрайние просторы Венгерской равнины. Когда солнце поднималось над ее полями, тени силуэтов стреловидных стволов устремлялись к горизонту.

* * *

Перед тем как покинуть дом Анны, повитуха постаралась прибраться в нем. Она подняла с пола мешковину, чтобы отнести ее обратно в свой дом для стирки, а на ее место вернула циновку Анны, чтобы та смогла отдохнуть на ней. Рядом она разложила циновки детей. Затем она вылила немного воды, остававшейся в кувшине, на салфетку и помогла Анне обтереться ею. Уходя, повитуха сама вознаградила себя за свои труды. В кухонном шкафу еды было немного, поэтому тетушка Жужи положила в свои корзины кое-что из кухонной утвари. Она всегда носила в каждой руке по корзине. Прежде чем зажечь лампу и отправиться домой, она зашла в уже опустевшую темную корчму, чтобы взять там пару бутылок спиртного. Направляясь вверх по дороге, она все еще слышала крики новорожденной.

Анна лежала в темноте на своей циновке, баюкая младенца. Двое других ее детей лежали рядом с ней, изо всех сил пытаясь уснуть под плач малышки. Анна готова была поспорить на что угодно, что Лайош сейчас, совершенно пьяный, валялся в хлеву.

Большинство женщин из тех, кого она знала, не спали на полу после родов. Они спали на роскошных кроватях с мягкими подушками из гагачьего пуха и стегаными одеялами. Анна не могла оторвать от таких кроватей глаз, когда видела их. Кормящие матери, как ей говорили, должны шесть недель оставаться в постели с балдахином для защиты «от дурного глаза». Но у Анны не было ни такого балдахина, ни вообще какой-либо кровати. Ей всегда приходилось обходиться только соломенной циновкой.

Продолжая баюкать малышку в темноте, Анна решила, что назовет ее Юстиной.

Анна не хотела выходить замуж за Лайоша. Она всегда боялась его и всякий раз, когда замечала, что он направляется в ее сторону, пыталась избежать встречи с ним. Она либо переходила на другую сторону улицы, либо забежала в магазин и переждала там, пока он пройдет. То, что она не кричала на него и не дралась с ним, как другие девушки, к которым он приставал, было воспринято им как намек. Анна никогда не умела давать отпор тем, кто к ней приставал,

поэтому, оказавшись однажды наедине с Лайошем, она не знала, что делать. Его рот внезапно сильно прижался к ее рту, раздвигая ее губы, чтобы жадно просунуть внутрь язык с кислым привкусом. После этого Лайош навалился на нее всем телом. Он был таким тяжелым, что она с трудом могла дышать. Она хотела лишь, чтобы все это поскорее закончилось. Она покинула свое тело и стала парить в воздухе легким облачком – как вдруг ее всю пронзило острой болью, когда Лайош вошел в нее. И она рухнула обратно на землю.

Ее первый сын родился в январе следующего года. Несколько месяцев Лайош отказывался признавать, что это его ребенок. Многие женщины на месте Анны обратились бы к повитухе, чтобы сделать аборт, но Анна решила оставить ребенка – то ли потому, что это шло вразрез с верой, то ли просто из-за страха.

Когда Анна забеременела, Лайош был женат. После того, как его жена сбежала и некому стало присмотреть за ним (речь шла в первую очередь о его корчме и его больных пожилых родителях), он решил, что пришло время жениться на Анне.

Теперь муж Анны стал ее тюремщиком. Она целые месяцы проводила все свое время в доме и корчме, не покидая их и отлучаясь разве что для того, чтобы набрать в ведра воды из колодца на главной площади деревни. При этом она до дрожи боялась пробираться мимо стаи каркающих «ворон» (именно так католики называли женщин-кальвинисток, поскольку они всегда одевались во все черное), которые каждое утро собирались на деревенской площади, чтобы посплетничать. «Вы только посмотрите на нее! – насмехались «вороны», показывая на любую женщину, у которой, как они знали, было больше двух детей. – Она ценится, как блудливая собака».

Анна знала, что они насмехались и над ней, и их молчаливые взгляды, когда она приближалась к колодцу, всякий раз заставляли ее нервничать. Она была похожа на крошечную колибри, пугливо порхающую в отведенной ей клетке, питающуюся мизерными капельками нектара, отдыхающую не больше минуты, с трудом сдерживающую слезы. Она была легкой мишенью для их насмешек.

Анна старалась наслаждаться любыми мгновеньями радости, когда той удавалось просочиться сквозь тесные занозистые щели стены, грубо отгородившей ее от внешнего мира. Она не переставала поражаться, что можно радоваться любой мелочи в своей жизни. Она с удивлением для себя обнаруживала, что может быть до слез тронута видом пальчиков своего сына, когда тот протягивал ручку, чтобы взять у нее кусочек хлеба, или видом плеч своей дочери, похожих на крылья, влажных и блестящих на солнце во время купания, или картиной трогательных впадинок на их горле. Эти мгновения были тонкими нитями блаженства, прошитыми сквозь толстый слой безумия, который, казалось, навсегда плотно укрыл ее. Опуская эти мгновенья радости, Анна упрекала себя за свою слепоту и тянула за эти нити, чтобы высвободить их.

* * *

Четверг, 17 августа 1916 года

К завтраку солнце уже вовсю палило. Старый Амбруш с самого рассвета был занят по хозяйству: ухаживал за скотом, чинил инструменты, наводил порядок в хлеву. Он был уже слишком стар, чтобы каждый день выходить в поле, однако тщательно ухаживал за своим участком и немногочисленным домашним скотом.

При навалившейся в этот день жаре работать было трудно, но Амбруш смог продержаться до позднего утра и уже только тогда сделал перерыв, чтобы отправиться к тетушке Жужи. Он надеялся, что ему повезет больше, чем накануне Петре. Так и случилось: на этот раз тетушка Жужи оказалась на месте. Она подхватила свои неизменные корзины и последовала за старым крестьянином к его дому.

Семья Амбрушей и тетушка Жужи были соседями вот уже почти двадцать лет. Они провели много летних вечеров на крыльце дома старой пары, попивая вино и грызя кукурузу. Сестра повитухи, Лидия, жила выше по улице и часто присоединялась к ним, приходя перед заходом солнца к семейству Амбрушей с бутылочкой спиртного.

Повитуха часто приходила на помощь Амбрушу. Когда у того болела спина, она давала ему специальные кремы и мази собственного приготовления, которые она делала из настоек различных растений. Иногда он платил ей наличными, и она прятала деньги в тайник за печкой. Она хранила там большую часть своих сбережений, но часть купюр у нее была также зашита в подолы нижних юбок и в наволочки подушек. Кроме того, у нее во дворе было зарыто несколько банок с наличными. Ради старого Амбруша она была готова устроить бартер, правда, почти всегда на своих условиях. В этот день он предложил ей пару ведер свежего молока, и повитуха с радостью взяла их.

Общая комната в доме семейства Амбрушей выглядела совершенно роскошно: кресла в пуховых подушках, кувшины и чаши изящной ручной росписи на полках. Когда Петра переехала к Амбрушам, она перевезла к ним и свою мебель, не менее изысканную. Тетушке Жужи оставалось только восхищаться этой обстановкой.

Солнечные лучи ярко отражались от недавно побеленных стен. Между двумя окнами размещалась литография доблестного солдата с ферротипом⁴ лица Иштвана, приставленным к телу этого солдата. Она была подарена семье Амбрушей на память о службе Иштвана в Австро-Венгерской армии. Рядом с литографией размещалось изображение кайзера Вильгельма II.

Под литографией Иштвана и изображением кайзера сидела Петра. После возвращения мужа она иногда уходила с работы в поле пораньше, чтобы сменить дедушку и бабушку в уходе за ним. Родственники тех, кто работал в поле, часто привозили им что-либо перекусить, и Петра просила их отвезти ее обратно в деревню.

Тетушка Жужи уселась среди роскоши дома Амбрушей, достала из кармана фартука свою трубку, стараясь не рассыпать из нее пепел, и раскурила ее.

Клубы дыма из трубки таяли в воздухе. На шее у повитухи на шнурке висела *пуци* – цыганская ладанка «гри-гри» (мешочек, в котором она хранила свои заветные талисманы: амулет для оберега и веточку рябины для успешной магии и богатства; ее бабушка научила ее, как вырезать нужную веточку, чтобы обеспечить то, чего добиваешься). Тетушка Жужи механически теребила *пуци*, внимательно и бесстрастно слушая, как Петра рассказывает о проблемах своего мужа.

Повитуха принадлежала к числу тех женщин, которым окружающие безусловно доверяют сразу же после знакомства. Она могла встретить совершенно неизвестного ей человека на пароме или в поезде, и после того, как она сообщала ему одну или две незначительные подробности о себе, тот немедленно начинал разбалтывать ей свои проблемы, которые у него имелись с супругом, начальником и детьми. Некоторые из ее собеседников после этого искренне удивлялись, как так могло получиться, что они поделились сокровенными секретами с человеком, с которым только что познакомились, тогда как тот сам так мало сообщил о себе.

В то время, как Петра рассказывала о своих неурядицах, тетушка Жужи внимательно присматривалась к ней. Молодая женщина не была ни высокой, ни низкой, ни толстой, ни худой (хотя в ней и угадывалась некоторая склонность к полноте, и тетушка Жужи вполне могла представить, как Петра станет такой же пухленькой, как и она сама, уже буквально через несколько лет). Повитуха никогда не считала себя красавицей. У нее были узкие, глубоко посаженные слишком близко к носу глаза, а тонкие губы казались неуместной щелочкой поперек двух широких щек. Она часто собирала свои каштановые, распущенные волосы в тугой пучок, вместо того чтобы прикрывать их косынкой, как это делали другие женщины.

⁴ Ферротип – фотография, сделанная на покрытых черной эмалью железных пластинах.

В совсем еще юном возрасте она имела привычку слегка присыпать лицо мукой, чтобы избежать свою кожу от темного оттенка, характерного для цыган. Теперь все, что ей требовалось, чтобы осветлить цвет своего лица, – это сделать крошечный глоток очередного эликсира, собственноручно приготовленного для этих целей.

Петра была достаточно привлекательна, размышляла повитуха. Кроме того, ее хорошо знали в деревне. Она была вежливой и тактичной, окончила пять классов школы – столько же, сколько самые образованные мужчины в Надьреве. Однако лучшей рекомендацией для тетушки Жужи служило то, что Петра происходила из богатой семьи Венгерской равнины. Ее отец владел обширными землями, включая большие территории с рыбацкими озерами, которые окружали Надьрев с западной стороны.

Список жалоб Петры на Иштвана был длинным, и ни одна из них не шокировала тетушку Жужи, которая уже достаточно давно следила за развитием ситуации вокруг него. Она помнила, как однажды днем скрип колес телеги привлек ее внимание, когда лошадь остановилась перед воротами семьи Амбрушей. Пухлыми руками она раздвинула кружевные занавески и увидела, как Иштван при помощи своего брата неуклюже слезает с телеги. В тот раз он впервые вернулся из госпиталя. С тех пор повитуха не ослабляла внимания к нему.

Петра поинтересовалась у тетушки Жужи, не может ли та дать ее мужу что-нибудь, чтобы ему стало хоть немного полегче.

– Что ж, у меня есть один способ, – ответила повитуха.

После этого Петра проводила тетушку Жужи в спальню, где лежал Иштван.

* * *

Суббота, 19 августа 1916 года

Кожа Юстины посинела. Ее крошечные губки, которые раньше были цвета малины, теперь почернели. Она три дня подряд отчаянно кричала, выражая крайнюю степень возмущения, но за последний час с ее маленького и округлого, как миниатюрная луна, ротика не сорвалось ни малейшего звука. У нее не осталось сил даже похныкивать. Сразу же после рождения малышка вся буквально дрожала от напряжения, словно наэлектризованная негодованием. Она гневно сжимала свои ручки в малюсенькие кулачки, которые покраснели от усилия, и прижимала их к щекам, как боксер в глухой обороне. Теперь же, когда Юстина потерпела поражение, ее тельце безжизненно лежало, обмякнув. Анна могла с трудом различить на ее разжавшихся ладонках слабо прорисованные, почти исчезнувшие линии жизни.

Лайош, мельком глянув на свою новорожденную дочь, даже отпустил комплимент в ее адрес, заявив, что у нее весьма красивые каштановые волосы. Анна видела, что он прав: пушистые локоны Юстины покрывали ее головку, как уютная шапочка, взъерошенными рядами счастливых кудряшек.

Деревенский ветерок с улицы доносил ароматы ужина. Анна услышала перезвон церковных колоколов, возвещавших шесть часов вечера.

Как только колокола перестали бить, сердце Юстины остановилось.

* * *

Луна ярко освещала кладбище для неимущих, и тетушка Жужи трудилась, словно при свете лампы. Ей пришлось опуститься на колени в мокрую грязь. Наклонившись, она рыхлила землю лопатой, время от времени прерываясь, чтобы руками отбросить в сторону большие комья. Она взяла с собой свою сестру Лидию и дочь Мару, чтобы те подстраховали ее. Они уже достаточно часто оказывали ей помощь в таких делах. Сегодня, правда, тетушка Жужи была совершенно уверена в том, что все пройдет без проблем и никто их здесь не застанет. Кладбище

находилось почти в миле от деревни, а его смотритель, который должен был дежурить в шалаше на его краю, предпочитал, как хорошо было всем известно, проводить большую часть летних вечеров за деревней в своей хижине на небольшом винограднике, которым он владел.

Женщины копали до тех пор, пока их лопаты не застучали о деревянную поверхность. Именно это им и было нужно. Тетушка Жужи наклонилась к неглубокой яме и постаралась, как смогла, очистить обнажившиеся грязные деревянные доски от земли и червей.

Повитуха чутко вслушивалась, чтобы какой-либо случайный прохожий не застал их врасплох, но в округе все было спокойно. Убедившись на всякий случай еще раз, что они по-прежнему одни, тетушка Жужи потянулась к одной из своих плетеных корзин и достала оттуда туго завернутый сверток. В другой ее корзине лежал деревянный гробик чуть более полуметра в длину с крышкой к нему. Он был таким маленьким, что казалось, будто он предназначался для куклы. Повитуха заранее позаботилась о нем. Она положила сверток в этот гробик и поспешно заколотила его крышку гвоздями.

Каждая из женщин взялась за край крошечного гробика. Они осторожно стали опускать его в яму до тех пор, пока он не лег на деревянные доски. Им пришлось затаить дыхание, поскольку из ямы поднимался тошнотворный запах плесени и гниения: насквозь трухлявые доски были крышкой еще одного крошечного гробика, в котором находились останки брата Юстины.

Мальчик родился тремя годами ранее недоношенным и, по выражению Анны, «полуживым». У Анны и тогда тоже не было ни капли молока, и ей оставалось только наблюдать, как его живот начал безобразно расти, словно внутри него надувался воздушный шар. Через три недели он заснул и больше уже не просыпался, и тогда тетушка Жужи пришла, чтобы навсегда забрать его.

Кладбище для неимущих было усеяно плотью младенцев Надьева, истинная судьба которых была никому не известна (кроме их матерей и повитухи). Тетушка Жужи, оглядевшись вокруг, могла бы вспомнить, где находятся десятки могил, о которых знала только она. Много раз, когда она появлялась ночью на кладбище для неимущих, чтобы выкопать новую могилку, она думала о своей собственной тайне: здесь был похоронен и ее сын, которого она назвала Хенриком.

Три женщины быстро засыпали яму. Закончив, они потоптались на могиле, чтобы утрамбовать землю.

* * *

Прошло почти три недели с тех пор, как семья Иштвана впервые обратилась за помощью к повитухе. Вначале Иштван почти избавился от бессонницы, что тетушка Жужи отнесла к эффективности действия тех пилюль, которые она ему давала. Однако она настояла на продолжении курса лечения и регулярно навещала Иштвана в своем неизменном фартуке и со своими неизменными корзинами. В его спальне она находилась с ним наедине.

Тетушка Жужи сообщила Петре, что тот эликсир, который она капала ее мужу в небольшой стаканчик с водой на его прикроватной тумбочке, был всего лишь настойкой для укрепления желудка.

Иштвана продолжали преследовать в основном те же недуги, от которых он страдал на фронте: кашель и диарея. Доза эликсира, которую тетушка Жужи накапала Иштвану в тот день, который, как она полагала, должен стать решающим, была намного больше, чем обычно. Если она правильно рассчитала время (а она была уверена в этом), то теперь, если бы Петре даже и пришлось в голову все же обратиться к настоящему врачу, для Иштвана было бы уже слишком поздно.

Когда тетушка Жужи в очередной раз вышла из ворот дома семьи Амбрушей, она услышала перезвон колокольчика и мягкое постукивание копыт. Она стояла у канавы, прижимая от ветра подол своего платья, и смотрела на приближавшийся экипаж. Он становился все ближе и ближе. Это была замечательная карета темно-бордового цвета с навесным козырьком из мягкой черной кожи. Она была запряжена двумя хорошо откормленными лошадьми, тела которых лоснились от здоровья и силы.

Повитухе редко когда доводилось видеть такой изысканный экипаж. Ему полагалось разезжать по просторным бульварам Будапешта, а не по пыльным деревенским дорогам, по которым скрипели расхлябанные полусгнившие крестьянские повозки.

Тетушка Жужи обычно предпочитала везде, куда ей было нужно, добираться пешком, поскольку это давало ей возможность легко попадать в любой дом и получать там причитающуюся ей плату. Но когда она увидела, кто управлял экипажем, она не смогла устоять перед искушением и подняла свою пухлую руку, чтобы остановить возницу.

Леринц Чази увидел повитуху и натянул поводья. Лошади остановились, и тетушка Жужи поспешила к экипажу со своими корзинами. Открыв дверцу, она плюхнулась на тонкую коричневую кожу заднего сиденья. Карета заскрипела под ее весом. Леринц, рядом с которым сидела его жена, тряхнул поводьями, и лошади продолжили свой неторопливый сытый бег.

Вместительность экипажа произвела впечатление на повитуху. Она с немалым удовольствием представила себе, как вся ее семья едет рядом с ней. Изящество убранства внутри кареты позволило ей чувствовать себя поистине представительницей знати в драгоценностях и мехах.

Леринц был двоюродным братом Петры. Он принадлежал к тому богатому клану, который главенствовал в Надьреве, и тетушка Жужи не могла не осознать, какая блестящая возможность ей представилась.

Она попросила Леринца отвезти ее на деревенскую площадь. Пока лошади трусили по направлению к улице Арпада, супружеская пара завела с тетушкой Жужи разговор. С их стороны вполне логичным был вопрос, как себя чувствует Иштван.

Повитуха сообщила, что бедный ветеран войны тяжело болен и что ему с каждым днем становится все хуже. Она с глубокой печалью вздохнула, посмотрев на Леринца, а затем на его жену, и добавила:

– Никто не знает, как долго он сможет еще протянуть.

Леринц был крайне удивлен, услышав такое. Он навестил Иштвана менее двух недель назад и не заметил ничего, что указывало бы на тяжелую болезнь мужа его кузины.

Воспользовавшись представившейся ей возможностью подготовить почву для своих планов, тетушка Жужи продолжила:

– Мне очень жаль Иштвана, но настоящая жертва ситуации – это Петра, которой пришлось столько времени заботиться о нем.

Повитуха сделала паузу, чтобы ее слова были как следует осмыслены, после чего завершила свою мысль:

– Если Иштван умрет, я надеюсь, вы тепло примете моего сына как нового члена вашей большой семьи. Петра была бы ему хорошей женой.

Теперь Леринц был уже просто ошеломлен. Он посмотрел на свою жену, как будто ожидал от нее ответа на беспардонную фразу повитухи. Та, однако, тоже потеряла дар речи и молча уставилась на своего мужа, открыв рот.

Леринц снова перевел взгляд на дорогу и, наконец, смог подобрать нужные слова:

– За кого Петра выйдет замуж – это ее собственное решение. Чтобы договориться в этом вопросе, нужны двое.

* * *

Четверг, 21 сентября 1916 года

С самого утра лил проливной дождь. Промозглость этого дня помешала окрашенному гробу полностью просохнуть. В рамках традиций, заведенных местным бондарем, который по совместительству был и гробовщиком, гробы пожилых людей окрашивались в темно-коричневый цвет, маленьких детей – в белый, а подростков и молодых людей – в ярко-синий. В краске именно этого цвета были испачканы ладони тех, кто нес гроб Иштвана.

Петра стояла во дворе своего дома, утонув ботинками в размокшей земле. Чтобы защититься от проливного дождя, она укрыла голову верхом плаща. Она в последний раз заглянула в гроб. Иштван был одет ею в его любимую темно-серую рубашку, на глазах у него были черные очки, задрапированные парусиной, в его левую руку было вложено шерстяное армейское кепи, которое Петра как следует отчистила.

Когда на лицо Иштвана накинули белую ткань, Петра сделала шаг назад. После этого крышку гроба быстро заколотили.

Иштван перестал дышать накануне незадолго до полудня. Чтобы оказать его семье помощь, сразу же обратились к повитухе. С учетом той ситуации, которая сложилась в Надьреве с врачом, тетушка Жужи всегда была первой, к кому обращались, когда в деревне кто-то умирал. Именно она организовывала похороны, готовила тело к погребению, посылала за звонарем, который не только уведомлял о смерти всю деревню, ударяя в церковные колокола, но и, придя в дом умершего, объявлял официальную причину его смерти, которую на ухо ему шептала тетушка Жужи.

Носильщики, подняв гроб, поставили его в фургон семьи Амбрушей. Возница придерживал лошадей, чтобы те шли медленным аллюром. Вереница скорбящих тянулась к кладбищу длинной мокрой процессией. Впереди шла Петра. Молодая вдова несла на руках свою дочку, пытаясь держаться подальше от дребезжащих колес фургона, которые забрызгивали ее густой грязью. Чтобы хоть как-то укрыть ребенка от неприятностей погоды и брызг дорожной грязи, она прикрыла его голову краем своего плаща.

Стоя в нескольких шагах позади Петры, тетушка Жужи не спускала с нее глаз. Теперь уже никто не стоял у нее на пути. Она решила уже во время похорон сделать решительный шаг: отвести Петру в сторону и ознакомить ее со своим планом. После этого молодая вдова должна была стать ее новой невесткой. Последние несколько недель повитуха думала только об этом, и предстоящее возбуждало ее.

Она не допускала даже мысли о том, что Петра могла отказать ей. Или же, что еще удивительней, взбунтоваться против нее и стать ее врагом.

Возвращение домой

*Мудрый человек знает, когда надо испугаться.
Старая цыганская поговорка*

Среда, 2 мая 1917 года

Скамья в вагоне была вся в занозах, да еще и хлипкой. Марице казалось, что в любой момент та могла просто-напросто переломиться пополам. Это впечатление усилилось, когда вошедший в вагон толстяк плюхнулся посередине скамьи, и та угрожающе прогнулась. Однако на толстяка это не произвело никакого впечатления, и он водрузил рядом с собой тяжелую крестьянскую клеть. Настоящий дикарь, жаждущий разгромить все вокруг!

Оглядевшись, Марица отметила, что стены вагона были сделаны из того же дерева, что и скамейка. Их окрасили под древесину ценной породы, но Марицу было трудно обмануть. Трепщины, зигзагами поднимавшиеся от половиц до самого потолка, выдавали дешевую подделку, как и глухой звук, который стена издавала каждый раз, когда о нее ударялись спиной.

Марица уже несколько часов тряслась в поезде. Ее мотало взад-вперед, как камешек в сите старателя, и она прочувствовала всем своим некрупным телом каждую милю этого ужасного путешествия.

Она ощущала во рту отвратительный металлический привкус, который, казалось, осел у нее на языке, постоянно сквозил в ее дыхании. Этот привкус появился у нее с тех пор, как она этим утром приехала на вокзал Келети в Будапеште.

Марица отметила, что, несмотря на утреннюю прохладу, станционные печи на вокзале не топились, и это ее неприятно удивило. Она поняла, что наступили дни серьезных перебоев с углем. Сейчас усилия согреть пассажиров, ожидавших своего поезда, считались излишними. Теперь не было принято впустую расходовать топливо. Во всяком случае, поездов стало гораздо меньше, по крайней мере, вдвое. Некоторые из них были реквизированы для нужд армии, другие (и таких было огромное количество) простаивали, поскольку паровозы нуждались в ремонте и в ожидании запчастей (практически безнадежном) загонялись в станционные тупики. Многие из паровозов при определенном допущении еще можно было бы использовать, однако для этого не хватало топлива. Но даже с учетом того, что поездов стало ходить меньше, а станционные печи топились гораздо реже, воздух на платформе все равно был пропитан запахом угля. Марице казалось, что с момента ее появления на вокзале она вся постепенно покрывалась тонким слоем сажи.

Марица хотела выехать из Будапешта еще раньше. Ее давняя подруга Жужи Фазекаш (возможно, ее единственная подруга) часто напоминала ей, что первый день мая означает подлинное рождение весны и поэтому считается удачным днем для начала новой жизни. Марица серьезно относилась к магическим наставлениям тетушки Жужи. Эти две женщины почти не видели друг друга на протяжении многих лет, за исключением тех редких случаев, когда повитуха приезжала в Будапешт по своим делам или же навестить свою двоюродную сестру. Однако Марица по-прежнему привыкла полагаться на советы старой цыганской ведьмы. Она воспринимала свою подругу как парапсихолога, способного найти для нее невидимые ей самой подсказки о своем будущем или же помочь ей обнаружить выход из сложной ситуации, в которой она случайно оказалась. Марица консультировалась с тетушкой Жужи практически по всем важным делам, прежде чем принять какое-либо решение, отправляя телеграммы при появлении срочных вопросов и письма – при возникновении менее срочных.

Решение о том, какой день наиболее благоприятен для ее возвращения в Надьрев, казался Марице самым важным выбором, который ей когда-либо приходилось делать. Она сильно волновалась по поводу того, что ожидало ее впереди. Марица понимала, что у нее достаточно мало

оснований для того, чтобы радоваться в связи с возвращением в Надьрев. Варианты развития событий были различными, но она старалась быть предельно искренней перед самой собой: это был ее последний шанс. Она исчерпала все остальные варианты. И на этот раз она должна была все сделать правильно.

Однако ее планы покинуть Будапешт первого мая провалились. Из окна своей квартиры она видела бесчисленные толпы на улицах. Фабрики и магазины были закрыты по случаю Международного дня трудящихся, и город был наводнен манифестантами. По улицам шествовали женщины, рабочие, политические активисты, вернувшиеся на родину военнопленные, выкрикивая марксистские лозунги, которым научились за время нахождения в русском плену. Протестующие требовали всего подряд, без исключения, оптом: от увеличения продажи хлеба на рынках до прекращения существования Австро-Венгерской империи. Целый день напролет Марица прислушивалась к злобному реву враждебной толпы за своим окном. Она раньше никогда не встречалась с таким. В городе было тихо лишь в узких переулках и кривых закоулках, где располагались лавки сапожников и портных и где переполненные домишки заглушали шум больших улиц музыкальным жужжанием машин для ремонта обуви и швейных машин.

Когда стало ясно, что город находится во власти демонстрантов, Марице оставалось лишь ждать в полном одиночестве, рассчитывая на безопасность своей квартиры. Уезжать она решила на следующий день.

В принципе уличные толпы могли бы послужить идеальным прикрытием для побега Марицы. Она скорее всего смогла бы выскользнуть из дома незамеченной, воспользовавшись полным хаосом, творившимся на улицах. В таком случае у нее был реальный шанс добраться пешком до вокзала, даже с учетом того, что она была миниатюрной красавицей, увешанной драгоценностями, и что ей пришлось бы прокладывать себе путь через бурлящие толпы. Но Марица намеревалась отправиться в путь с тяжелым сундуком, так как это была поездка, из которой она не планировала возвращаться.

На следующий день утром она наняла фиакр, чтобы добраться до вокзала. Она искренне надеялась, что никто в доме не видел, как она уходила. Но если бы даже это и случилось, сейчас это уже не имело большого значения.

Марица была рада порвать с жизнью в Будапеште. Это был уже не тот город, который она когда-то знала. Теперь из канализационных труб поднималась вонь, а двери театров были заперты досками. Кофейни, когда-то переполненные шахматистами, участвовавшими в жарких турнирах, а также репортерами и драматургами, строчащими заметки за столиками с мраморными столешницами, которые по своей изысканности больше подходили для утреннего чая императрицы, были оккупированы мародерами – порождением военного времени. Рынки, когда-то изобиловавшие продуктами и всевозможными ароматами, практически обезлюдели. Сюда не добирались продукты из деревень, где их было полным-полно: для их перевозки не хватало поездов.

Город был просто переполнен людьми. Квартиры были набиты жильцами, как трамваи – пассажирами. Везде пахло немытыми телами. Вода ценилась на вес золота, поэтому, казалось, никто не принимал ванну. Чтобы умыться, ограничивались пригоршней драгоценной воды и кусочком мыла, добытым, как правило, нечестным путем. Многие серьезно болели или голодали. Когда кто-либо умирал, его тело просто сбрасывали в канаву рядом с одним из некогда великолепных проспектов. Там тела могли валяться несколько дней подряд, поскольку забрать их оттуда было некому.

Время от времени в центре Будапешта все еще можно было встретить старого графа с хорошо навошенными усами, торчащими над верхней губой, как театральный занавес. Вельможа, как правило, удерживал густой бровью монокль, брезгливо обозревая убогую обстановку вокруг себя, как одноглазая сова. Но Будапешт, город, ранее исполненный величавости, как

степенная дама в летах, теперь находился в руинах. И Марица убедила себя в том, что она уезжает именно по этой причине и ни по какой другой.

Если она и должна была почувствовать сожаление или, возможно, даже проблеск раскаяния, то этого не произошло. Ритм поезда, равномерный стук колес по стыкам рельс подтверждали ей, что Будапешт с каждой минутой все больше отдаляется от нее, а вместе с ним безвозвратно уходят в прошлое и все ее неприятности и рискованные приключения, которые непрерывной чередой сопровождали ее в столице. Как только она вошла в поезд, она постаралась больше не вспоминать этот этап своей жизни.

Она устроилась поудобней на своей скамье и улыбнулась про себя: она осознала, что у нее в голове прокручивается масса открывающихся перед ней возможностей. Она была заряжена новой энергией, ощущала прилив новых сил. Марица осознавала, что находилась на пороге нового, замечательного этапа своей жизни, и никто не мог бы убедить ее в обратном. Спустя почти двадцать лет Марица возвращалась домой.

Однако глубоко внутри нее, словно маленькое темное семечко, хранилась память о той катастрофе, которая заставила ее в свое время бежать из Надьрева. И к Марице лишь сейчас на фоне охватившего ее ликования приходило смутное понимание этого. И она пока еще не могла в полной мере осознать, что же лежало в основе всех ее прежних поступков.

* * *

Ее ребенок заливался плачем. Его было слышно по всему дому, даже в спальне, где она провела все утро, хотя она постаралась прикрыть дверь поплотнее. Шандор-младший, оставленный один в гостиной, никак не желал успокаиваться.

Ее постель вся была пропитана потом. Ее ноги переплелись с его ногами. Он навалился на нее всем своим телом. Она чувствовала жар его дыхания у своего уха, на своей шее. В последние дни она встречалась с ним каждое утро. Они проскальзывали вместе в ее спальню после восхода солнца, после того, как Шандор-старший уезжал работать в поле.

На заднем дворе пропели петухи. Она не услышала ни приглушенного стука копыт, когда телега медленно подъехала к воротам ее дома, ни тихого скрипа входной двери, когда та мягко открылась, ни упругих шагов в гостиной. Она вообще не поняла, что появился ее муж, пока не услышала, как он вскрикнул. Затем раздался тяжелый грохот и глухой удар, от которого сотряслась дверь, которую он изо всех сил пнул.

Вагон тряхнуло, когда поезд на своем пути пересек стрелку. Марица чуть не свалилась от сильного толчка. Подол ее платья и нижние юбки зашуршали, словно возмущенные этим непорядком. Чемоданы на полке над ней с грохотом попадали на бок. Но Марица знала, что ждать теперь осталось совсем немного.

Она была уверена в том, что Шандор-старший в то утро работал в поле. Почему он решил тайком вернуться обратно домой? Не было ли все это специально подстроено?

Марица энергично взялась за перекаивание всей этой запутанной истории, чтобы представить события перед окружающими (а также в своих собственных глазах) в благоприятном для себя свете. Она отбросила те детали, которые вряд ли могли ее украсить, и оставила лишь те подробности, которые оправдывали ее. В результате в ее распоряжении оказалось бессистемное нагромождение разрозненных фактов, зачастую достаточно далеких от истины. Состряпанная ею самой история походила на бессмысленную, хотя и красочную картинку калейдоскопа, зато конечная цель была достигнута – ее вина оказалась надежно погребена под грубым вымыслом.

Праведное негодование не покидало Марицу даже после ее поспешного развода с Шандором-старшим. Ведь если бы ее муж находился там, где он обещал быть, то никаких неприятностей не случилось бы. Она настаивала на этой непреложной истине. Она искренне верила в

это и стремилась донести эту мысль до всех окружающих. Вся деревня, однако, была настроена против нее, и только тетушка Жужи оставалась ее верным другом.

Марица была уверена, что ее вынудили бежать из деревни из-за того, что она случайно оказалась в неудачном месте в неудачное время. Однако сейчас она торжествовала. По счастливому стечению обстоятельств ей удалось поймать гораздо более крупную рыбу, чем Шандор Ковач-старший, к тому же прямо в Надьреве. Она возвращалась из изгнания, чтобы взойти на трон в качестве фактической королевы деревни. Ничто не могло доставить ей большего удовольствия.

Пока поезд неторопливо ехал по Венгерской равнине, Марица, не теряя времени даром, ухаживала за собой: она промокнула свое лицо кружевным платочком, нежно провела ладонями вверх и вниз по своему платью, его рукавам, подолу, лифу. Наслаждаясь ощущением тонкого шелка, она одновременно смахивала с себя ворсинки, презрительно наблюдая, как они планировали на пол вагона. Она пригладила свои длинные, гладкие волосы, которые все еще хранили цвет воронова крыла, за исключением одной или двух седых прядей. Она перебрала свои ожерелья и браслеты, вспоминая каждого из мужчин, кто подарил их ей. Марица вела тщательный подсчет всех мужчин, которые у нее когда-либо были, и тех украшений, которые она получила от них. Она была похожа на грабителя банков, скрупулезно ведущего учет своих ограблений. Она гордилась своей способностью увлекать в Будапеште состоятельных мужчин. Это были не скромные крестьяне ее юности, которых она теперь была склонна считать дешевыми монетками. Нет, это были поистине золотые слитки: члены парламента, губернаторы и мэры, банкиры. На протяжении многих лет они добивались ее расположения, осыпая ее знаками своего внимания. Она особенно ценила в них то, что они проявляли здравомыслие и благоразумие. И все же их визиты не ускользнули от внимания ее бдительных будапештских соседей. Марица понимала, что для нее пришло время пропасть из поля зрения как тех, так и других.

Марица всю поездку без умолку болтала со своими попутчиками практически ни о чем. Вскоре она почти охрипла, горло у нее пересохло и саднило от воздуха, насыщенного запахом угля, однако это ее ничуть не смущало. Когда пассажиры поднимались, чтобы выйти из поезда или найти свободное место в другом купе, она продолжала говорить, не обращая внимания на отсутствие слушателей. Когда в вагоне появлялся новый пассажир, она пересказывала ему пропущенную им часть последней из ее историй, чтобы он владел всей полнотой информации. Не было такой темы, в которой Марица не оказывалась бы в центре повествования и главным действующим лицом. Потратив секунду или две на то, чтобы сосредоточиться (внешне это выглядело как легкий вдох), она могла связать любые события и факты с самой собой, любимой. Большая часть из тех сведений, которые она обрушила на своих несчастных слушателей, являлось бессмысленной и совершенно пустой болтовней, однако наряду с этим она не преминула рассказать о новом, замечательном этапе своей жизни и внезапном приглашении, которое заставило ее поспешить обратно в родную деревню. О Будапеште Марица говорила крайне мало. Она практически не упоминала об этом периоде своей жизни, ведь она решила забыть его.

Паровоз замедлил ход и принялся пыхтеть. Вагон мягко покачивался из стороны в сторону, словно лодка на ленивой волне. Марица в последний раз промокнула лицо кружевным платочком. Раскачиваясь взад-вперед, она пыталась поймать свое отражение в окне вагона. Потрепанный вид окружавших ее женщин во время путешествия доставлял ей истинное удовольствие. Она саркастически улыбалась, глядя на их подкованные башмаки на деревянной подошве, чулки с зияющими дырками, засаленные платки. Она чувствовала удовлетворение, когда ее отражение в окне напоминало ей, что она не позволила себе даже в условиях войны пасть так низко, как эти простушки.

Когда поезд подъезжал к станции, раздался долгий низкий гудок. Вскоре в поле зрения пассажиров уже появился небольшой вокзал.

И тут Марицу захлестнула волна паники.

А что, если ее там никто не ждет?

Марица только сейчас осознала, что она рискнула своей судьбой из-за одного-единственного письма.

А что, если он передумал?

Марица почувствовала стремительно нарастающую неуверенность.

Что, если она ошибалась на его счет? Что, если она совершила ошибку?

Лихорадочно перебирая в уме различные варианты, она поняла, что сможет вернуться в Будапешт только к вечеру следующего дня. Но куда она пошла бы там? Обратно в свою квартиру путь ей был заказан. Может быть, поехать в Сольнок? Или же в Кечкемет?

Под нарастающий визг тормозов паровоз остановился со слабым толчком, сопровождаемым ревущим шипением пара. Марица в последний раз откинулась на жесткое сиденье.

Вагон начал заполнять шум, характерный для завершения поездки. На Марицу одна за другой наплывали тени пассажиров, которые тянулись к верхней полке за своим дорожным багажом. Деревянная полка скрипела каждый раз, когда с нее снимали очередной чемодан или дорожную сумку. Сама Марица не была обременена никакими вещами. Перед отъездом из Будапешта она, наслышанная о мародерах военного времени, решила подстраховаться и перед посадкой в поезд сдала свой сундук в багажное отделение.

Марица выглянула в окно. Яркое послеполуденное солнце практически ослепило ее, и она заслонилась ладонью, чтобы хоть что-то различить за окном. Перед ней проступили очертания крошечного полустанка Нойбург. От него было буквально рукой подать до Надьева – если воспользоваться паромом через Тису, однако, если ехать по проселочной дороге, выходило сорок километров.

С тех пор как Марица видела этот полустанок в последний раз, совершенно ничего не изменилось. Маленькое квадратное здание вокзала по-прежнему нуждалось в побелке, как будто его не красили все те годы, когда она отсутствовала. Буквы на табличке с названием этого захолустного городка потрескались и выцвели, как и в прежние времена. Через дорогу все так же просматривался луг, на котором, не нарушая картины прошлого, паслись коровы. Все казалось нетронутым, как и воспоминания Марицы о своем отъезде много лет назад. Она не забыла ничего из того ужасного периода своей жизни: ни мрачного лица отца, ни вида матери, державшей на руках Шандора-младшего, которому тогда было всего четырнадцать месяцев и который в то время вовсе не казался больным.

В то время Марице не терпелось сесть в поезд и сбежать из родной деревни. Ей не терпелось увидеть, как ее собственный ребенок исчезает вдаль, а вместе с ним и крушение всех ее надежд, крах ее прежней жизни. В то время Марице так же не терпелось начать все сначала, как и сейчас.

Она снова выглянула из окна вагона и осмотрела платформу. Там толпилось несколько «ворон» со своими детьми. Они пришли встретить своих мужей, возвращавшихся с рынка в Сольноке, где Марица пересела на другой поезд. Пара собак на безопасном расстоянии от паровоза, который продолжал время от времени издавать шипение, обнюхивала край платформы. Покрытый сажей железнодорожник что-то энергично делал на путях перед паровозом. Небольшие группы мужчин, сбившись в кучу, курили на платформе. С Венгерской равнины на полустанок порывами ветра надувало мелкую землистую пыль, и Марица могла различить, как та кружится в воздухе.

Посреди платформы стоял Михай.

Солнце искрилось в серебряных прядях его волос. Его лицо покраснело от жары. Его рубашку и брюки было бы нелишне выгладить, поскольку в этот солнечный день бросались

в глаза все их многочисленные складки и морщинки. С его запястья свисал золотой браслет, а толстые пальцы были покрыты пятнами от сигар. Подошвы его сапог были в древесной стружке, которая налипла на них с пола его любимой корчмы и со дна его фургона. Михай Кардош был влиятельным в округе представителем местной знати, хотя и выглядел лихачом, готовым в любой момент броситься догонять трамвай или сбежавшего мула. У него были обветренное лицо и развязные манеры.

В руке он держал букет цветов, сорванный для него станционным смотрителем, который ухаживал за небольшой аккуратной клумбой рядом с вокзалом.

Когда Марица заметила Михая, паника, которая серенькой птичкой ненадолго поселилась у нее в сердце, выпорхнула наружу. Марица возродилась, к ней вернулась ее уверенность. Она почувствовала, что теперь с ней все было в порядке. Она стала прежней: энергичной, напористой, полной планов. Тщеславной.

Она желала бы, чтобы многие стали свидетелями ее триумфального возвращения в родные пенаты: вот Марица Шенди, одетая в дорогой шелк, протягивает Михая Кардошу руку для поцелуя, а вот Марица Шенди принимает от Михая Кардоша букет цветов.

Почти двадцать лет Марица непрестанно строила в голове картины о том, как она оказывает жителям Надьрева величайшую услугу своим возвращением. Для нее было большим разочарованием, что поезд не мог доставить ее прямо в центр деревни, чтобы она сошла непосредственно на главной площади. Что ж, этому торжественному моменту придется подождать.

Лишь спустя какое-то время Марица заметила, что рядом с Михаем кто-то стоял. Еще через мгновение она поняла, кто это. Для этого ей пришлось сосредоточиться в той атмосфере хаоса, которая заполнили ее купе, поскольку пассажиры активно и шумно передавали прямо через окна чемоданы своим родственникам, собравшимся внизу. Марица устала на этого человека сквозь грязное оконное стекло, лихорадочно оценивая ситуацию.

Его тонкие, как спички, ноги подкашивались от напряжения. Спина была кривой, как дуга конской упряжи. Он согнулся буквально напополам, и ему пришлось усиленно задрать голову, чтобы видеть, что происходит вокруг. Из-за этого он выглядел душевнобольным. Он был костляв, как скелет, и Марице казалось, что он может в любую минуту переломиться от сильного ветра.

Возможно, она даже не узнала бы этого человека, так как могла по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз видела его за последние двадцать лет. Но у него были бледно-голубые глаза и песочно-светлые волосы своего отца – безошибочные черты мужчин рода Ковачей.

Марица спустилась на платформу. В чистом небе Венгерской равнины не было и следа от городского угольного смога. Ей прямо в лицо дул весенний ветерок, взметая вихри пыли вокруг нее. Она двинулась в этой пылевой завесе к Михая, который приветствовал ее поцелуем в обе щеки.

Рядом с ним стоял Шандор-младший. Его дыхание было хриплым, и каждый глубокий вдох, который он пытался сделать, заставлял его откашливаться и отплевываться. Его кожа выглядела желтушной, волосы были жидкими и сухими. От него исходил слабый запах разложения, который Марица не могла не почувствовать. Она наклонилась ровно настолько, чтобы коротко и холодно поцеловать сына в обе щеки, а затем резко отшатнулась. Она всегда сожалела, что умер ее первый ребенок, а не этот.

Марица не знала о состоянии Шандора-младшего, когда уезжала из Надьрева, потому что к тому времени явных симптомов болезни у него еще не проявилось. Но, когда ему исполнилось восемь лет, его бабушка с дедушкой получили диагноз от специалиста в Будапеште: Шандор-младший родился с сифилисом, переданным ему внутриутробно Марицей, которая являлась бессимптомным носителем. С тех пор эта неизлечимая болезнь прогрессировала, постепенно пожирая его мышцы и нервы и причиняя ему все более сильные боли.

Шандору-младшему вообще не следовало рождаться, подумала Марица. Она взяла Михая под руку и выхватила у него букет, когда он протянул его ей. Она не могла приложить ума, зачем Михай привел Шандора-младшего на вокзал.

Михай взял из багажного отделения ее сундук, и все трое сели на паром, чтобы отправиться в Надьрев. Паромное сообщение Чонград – Сольнок (туда и обратно) действовало два раза в день, с весны по осень. Зимой, когда Тиса замерзала, реку можно было перейти пешком.

Двигатель парома работал так громко, что Марице приходилось кричать Михая, чтобы тот услышал ее. Когда паром, покинув Нойбург, завернул за изгиб Тисы в сторону Надьрева, двигатель зарокотал еще сильнее. Марица чувствовала, что может сорвать голос от крика. Кроме того, она задыхалась от порывов ветра, усилившихся после того, как паром набрал скорость. От сильной вибрации на палубе у Марицы онемели ноги, она едва могла ощущать их. В результате той же вибрации ее руки неудержимо тряслись, и нежные лепестки цветов в ее букете вскоре опали от этой дрожи. Михай стоял рядом с ней, совершенно невозмутимый.

Марица знала Михая всю свою жизнь. Ей было всего девять лет, когда ему исполнилось девятнадцать, но она постоянно слышала истории о его личной жизни. Сколько она себя помнила, по деревне ходила масса таких историй. Все в деревне (а значит, и Марица тоже) знали, что Михай не отстанет от девушки, пока не заставит ее полюбить его, а для этого никогда не требовалось много усилий.

Ее собственный роман с Михаем начался всего несколько недель назад. Она тогда получила от него первое письмо, в котором он написал, что его жена недавно умерла. Далее он сообщил, что намеревался приехать в Будапешт по делам. Не мог ли он встретиться с ней? Письмо пришло как раз в нужное время.

Приближаясь к берегу, паром замедлил ход. Затем капитан заглушил двигатель, чтобы паром своим ходом преодолел последние несколько метров до берега, после чего помощники капитана пришвартовали его к причалу.

Марица сошла на берег и с трудом поднялась по крутому мокрому склону, стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы не запачкать свое дорогое шелковое платье. Добравшись до вершины прибрежного холма, она на мгновение остановилась, пока еще не совсем уверенная в неизбежности своего счастья, но тем не менее не утратившая присутствия духа, и принялась осмысливать происходящее.

Песни речных сверчков⁵ и перестук дятлов были ей так же знакомы, как и мягкий аромат сосны, который она сейчас вдыхала. Ей было слышно, как дети играют с упряжкой для волов. Впереди, прямо перед ней, отсюда практически невидимая, находилась церковь. Просматривался лишь ее скромный луковичный купол, который, как хорошо было известно Марице, возвышался над унылой деревенской площадью, на которой располагалась церковь. Именно в ней Марица вышла замуж за Шандора Ковача-старшего. Та свадьба была одной из самых пышных в истории Надьрева. Крестьянское семейство Шенди считалось одним из самых богатых в районе, и этот брак объединил его с богатыми Ковачами. Немудрено, что свадебный разгул продолжался несколько дней.

Однако Марица вспоминала сейчас не о том человеке, который стал ее мужем в церкви, зыбко проступавшей перед ней своим куполом. Она мысленно вернулась к своему второму мужу. К тому, что остался в Будапеште. Она на мгновение задалась вопросом: а вот интересно, что он будет делать, когда вернется домой и обнаружит, что ее нет?

---

⁵ Речной сверчок – вид птиц из семейства сверчковых.

* * *

На следующее утро Марица проснулась от яркого солнца, которое прекрасно высветило весь тот объем работы, которую ей предстояло переделать. Когда они с Михаем накануне вечером добрались до места и вошли в дом – а теперь это был их общий дом, – уже смеркалось, и закопченные керосиновые лампы плохо освещали ее новое жилище. Но теперь она могла рассмотреть его как следует.

В доме напрочь отсутствовали порядок и аккуратность, которые можно было ожидать от человека «голубой крови», каким являлся Михай. Полы не были подметены, ковры покрылись плесенью, окна были все в пятнах грязи. Жена Михая умерла совсем недавно, но Марице при взгляде на обстановку в доме сразу же стало ясно, что Михай после ее смерти не делал ровным счетом ничего для поддержания порядка. В доме предстояло тщательно вычистить каждый угол, но Марица хотела перво-наперво избавиться от любой детали, которая могла бы напомнить об умершей. Для этого требовалось заменить все, от чайника до покрывала.

Марица схватила плетеную корзину покойной жены Михая, чтобы отправиться за покупками. Четверг был в деревне рыночным днем, и Марица понимала, что у нее есть прекрасная возможность не только присмотреть какие-то покупки, но и сделать кое-что другое, не менее важное.

Выйдя за ворота, она услышала гвалт в корчме при доме семьи Цер. Их с Михаем дом находился как раз через дорогу от корчмы, и Марица уже пожалела о том, что он так неудачно расположен. Михаю принадлежало в деревне несколько домов, некоторые из которых, как считала Марица, вполне можно было назвать настоящими особняками. Вне всякого сомнения, Марица предпочла бы жить в любом из них, чтобы только быть подальше от сброда, гомонящего в корчме. Однако в данной ситуации были и свои плюсы: дом Михая за номером 65 по улице Арпада находился всего в нескольких минутах ходьбы от дома тетушки Жужи, куда, как понимала Марица, ей предстояло заходить почти каждый день.

Ее браслеты зазвенели, когда она захлопнула калитку. Она приподняла свою длинную юбку и перепрыгнула через узкую канаву на деревенскую дорогу. От ее прыжка в разные стороны полетели мягкие брызги грязи. Неподалеку в тени тутовых деревьев, которые росли по обе стороны дороги, играли дети, забавляясь куклами из оберток кукурузных початков.

Многие из деревенских, проезжая мимо на своих телегах, оборачивались, чтобы посмотреть на нее и удостовериться, что это именно она, Марица. Они не верили своим глазам. Марица же, приняв беззаботный вид, шла вперед по своим делам. Она высоко подняла голову, словно стараясь расслышать тайну, которую ей шептали с небес. Когда в какой-то момент ее начали преследовать дворняги, мешая ей поддерживать свой имидж, она грозно шикнула на них и замахнулась своей корзиной.

Марица шла мимо знакомых ей с детства торговых лавок, мастерских и учреждений. Вот галантерейный магазин, где было сшито ее первое свадебное платье. Вот сельский магазин Фельдмайера, где она ребенком покупала засахаренные леденцовые палочки. А вот отделение почты и телеграфа, из которого сейчас, как и прежде, на улицу доносился стук телеграфного аппарата.

Когда Марица добралась до центральной площади, то увидела хорошо уже знакомое ей нагромождение деревянных прилавков, втиснутых на импровизированный деревенский рынок. Для передвижения по рынку специально расчистили несколько проходов, которые тем не менее были традиционно загромождены товарами, приготовленными на продажу. В воздухе стоял аромат различных специй. Около дюжины костлявых лошадей и мулов были привязаны к столбам, которые этим же утром были вбиты в землю возле колодца. Фургоны с товарами распрягли и подкатали поближе к продавцам. Продукты на продажу были разложены в больших

свертках на длинном столе рядом со специальной скамьей для отрезания заказанных порций, а для дегустации напитков были расставлены наполненные вином бутылки. Некоторые детишки неприкаянно бродили между прилавками, другие играли в пятнашки на лужайке перед церковью. Прекрасная погода привлекла множество покупателей, и царила праздничная, почти карнавальная атмосфера, которую Марица хорошо помнила.

Базарный день был событием, которого жители деревни с нетерпением ждали всю неделю. Здесь никогда не продавали каких-либо экзотических товаров из Константинополя или Сараево, как можно было наблюдать на больших базарах в Кечкемете и Сольноке (хотя война существенно сократила масштабы и разнообразие продаж и на больших базарах). Обычно на деревенском рынке торговали разные мелкие корбейники, которые шли пешком по раскаленным дорогам Венгерской равнины, чтобы продать посуду, приспособления для шитья, растрепанные томики Библии или ванны для купания. Иногда цыгане продавали нотные листы – по филлеру⁶ за штуку. Вместе с тем на рынке были и продавцы из числа своих, деревенских, торговавших разной мелочью, и как раз именно они больше всего и интересовали Марицу.

Все утро она придирчиво и педантично перебирала товары на прилавках. Она скрупулезно осматривала при ярком солнечном свете керамические горшки, заглядывала внутрь мисок, демонстративно хмурясь из-за их неподобающе низкого качества, скептически перебирала салфетки для рук, деревянные ведра, половники, декоративные кувшины. Она указывала на занозы, торчавшие из деревянных изделий, и на их необработанные торцы. Глаза всех торговцев и покупателей были устремлены только на нее. Она задавала вопросы так, чтобы всем было хорошо слышен ее будапештский диалект. Она прилагала максимум усилий, чтобы вытравить из своей речи малейший признак деревенского говора. Ни к кому конкретно не обращаясь, она произносила немецкие фразы и выражения, которым научил ее муж из Будапешта. После этого она всякий раз незаметно оглядывалась вокруг, чтобы посмотреть, осознали ли торговцы и посетители рынка, что она человек не их круга, и добилась ли она того, к чему стремилась.

К тому времени, как Марица ушла с рынка, она сделала все от нее зависящее, чтобы весь Надьрев знал, что она вернулась.

* * *

Весна была для повитухи, пожалуй, самым напряженным временем года. Это был не только сезон окота овец и отела коров (ведь тетушка Жужи часто помогала принимать роды и у домашнего скота), но также время сева и молотбы, когда травмы у смертельно уставших крестьян были вполне обычным делом. У тетушки Жужи был длинный список жителей Надьрева с больными спинами, помощь которым зависела только от нее. Некоторые женщины в деревне умели делать массаж и ставить пиявки от головной боли, но с серьезными недомоганиями, например, спазмами мышц, разрывом сухожилий или даже грыжами могла справиться только тетушка Жужи.

Часто по утрам она отправлялась в лес до восхода солнца собирать травы для приготовления своих настоек. Немало сил она прилагала, чтобы найти белладонну. Вся сложность заключалась в том, чтобы застать это растение в момент цветения, когда его бутоны были насыщены атропином и гиосциамином⁷. Белладонна являлась одной из самых эффективных лекарственных

⁶ Во времена Австро-Венгерской империи один филлер (имел хождение на венгерской части территории империи) составлял 1/100 австро-венгерской кроны.

⁷ Гиосциамин – алкалоид, входящий в состав атропина, действующее начало атропина; встречается в семенах и соке белены, белладонны, дурмана.

ных трав, которые знала тетушка Жужи. Она часто применяла ее настойку при лечении застарелых крестьянских болячек.

В этот день тетушка Жужи вернулась со сбора трав к завтраку и вскоре после этого отправилась совершать свой ежедневный обход. Как всегда, она начала с дома семейства Амбрушей.

Повитуха продолжала быть в хороших отношениях с Амбрушами. Спустя восемь месяцев после похорон их внука пожилая пара относилась к тетушке Жужи так же, как и всегда. Старый Амбруш по-прежнему снабжал ее молоком и другими продуктами, а тетушка Жужи и ее сестра Лидия периодически присоединялись к группе кройки и шитья, которую старая Амбруш организовывала у себя в зимние месяцы. Группа «ворон», собравшись, занималась шитьем в гостиной Амбрушей при свете лампы и в эту зиму, как они это делали каждый год, однако Петра, извинившись, на этот раз не принимала в этом участия. Если старая Амбруш и заметила, что ее невестка стала избегать повитуху, то она не стала рассказывать об этом тетушке Жужи.

Повитуха открыла калитку дома Амбрушей, прогнала цыплят со своего пути и для начала направилась к хлеву.

Рядом с ларями для фуража стояли табуреты для доения и помойные ведра, и тетушка Жужи с шумом обошла их, чтобы добраться до верстака Амбруша. В одном из его гнезд Амбруш обычно оставлял для нее несколько яиц. Тетушка Жужи положила оставленные яйца в свою корзину и направилась к дому.

Войдя внутрь, она отдернула занавески, прошла на кухню и открыла шкаф. Она достала из него банку с сухими специями, открыла крышку и набрала для себя полную пригоршню. В другом шкафу она пересмотрела прекрасную посуду Петры. Достав приглянувшуюся ей чайную чашку, она положила ее в свою корзину, стараясь не побить там яйца.

Отказ Петры выйти замуж за сына тетушки Жужи поначалу ошеломил повитуху, которая отказалась поверить своим ушам и спустя некоторое время вновь приехала к Петре с разговорами о свадьбе. К этому моменту она уже успела осмотреть несколько домов в деревне и определить, в котором из них молодая пара могла бы поселиться после того, как ее сын приобрел бы его на средства Петры. Она внимательно обследовала также свой собственный дом и отметила, что именно в нем можно было бы обновить на деньги Петры. Она решила, что в первую очередь следовало приобрести новый умывальник, новый буфет, новый гобелен для гостиной. А еще она как-то увидела, как продавали длинные зеркала, одно из которых хорошо вписалось бы в ее спальню.

То, что Петра воспротивилась ее планам, было воспринято повитухой как черная неблагодарность. Ведь тетушка Жужи избавила молодую женщину от пожизненных страданий, а та в ответ отказалась отплатить ей добром.

Поскольку Петра отказала тетушке Жужи в доступе к своему благосостоянию, та теперь забирала у нее по одной чайной чашке в каждое свое посещение дома Амбрушей.

Шаркая, повитуха вышла из этого дома, чтобы продолжить свой традиционный обход. Некоторые ее визиты были связаны с осмотром больных, другие же касались взимания платы за прошлые и будущие услуги. Многие жители деревни уже привыкли к тому, что, придя домой, они могли застать повитуху на чердаке, роющуюся в их запасах фасоли или чечевицы или же пристально рассматривающую копченое мясо, подвешенное к стропилам для просушки.

Закончив свой обход, тетушка Жужи вышла на улицу Арпада, направляясь к ежедневной награде за свои труды. Она прошла мимо отделения почты и телеграфа, где работал ее старший сын, разносивший почту по всему району. У тетушки Жужи имелось много клиентов за пределами деревни благодаря ее цыганским связям и многочисленным глашатаям, которые активно распространяли информацию о ее таланте и ее снадобьях. Работа ее сына на почте облегчала повитухе контакты с этими клиентами. Она могла отправлять им свои зелья напрямую, без необходимости обязательной проверки со стороны почтмейстера. Именно для этих

целей тетушка Жужи и обеспечила своему сыну его нынешнюю должность. Тетушка Жужи знала нескольких членов сельского совета и поддерживала особые отношения с его секретарем, Эбнером. Она упорно трудилась над постоянным развитием этих отношений. Она обнаружила, что дружеские связи весьма полезны для того, чтобы определять своих людей туда, где они были ей нужны.

Повитуха бросила взгляд через дорогу, туда, где находилась цирюльня ее зятя. Зимой Данош открывал свое заведение два дня в неделю, а летом работал только по субботам. У него за деревней был участок, и, как многие жители Венгерской равнины, он имел там покрытую соломой хибарку, где он часто проводил летние ночи. Последнее время Данош практически не появлялся в своей цирюльне, и его почти не видели в Надьреве.

К тому времени, когда повитуха оказалась у корчмы семейства Цер, она уже одолела со своими корзинами несколько километров. Она пыхтела от усилий, поскольку при своем внушительном весе передвигаться ей было весьма непросто. Через две недели повитухе должно было исполниться пятьдесят шесть лет, и с каждым новым днем она все острее ощущала свой возраст.

Тетушка Жужи прогнала дворняг, которые крутились возле корчмы, смачно сплюнула, перехватила поудобней свои корзины и, брюзжа, распахнула дверь заведения.

Внутри было темно и прохладно. Солнечный свет с трудом проникал через единственное маленькое окошко. На стене на крюках висели старые засаленные крестьянские шляпы, от которых разило потом. Обшарпанные столы были расставлены в полном беспорядке, словно их расшвыряло бурей. Пол был щедро посыпан опилками.

Тетушка Жужи, неуклюже переваливаясь, подошла к одному из столов и водрузила на него свои корзины. Затем она плюхнулась на скамейку, втиснувшись между мужчинами. Повитуха была единственной женщиной в деревне, а возможно, и во всем районе, которая осмеливалась войти в корчму.

Это заведение было для тетушки Жужи таким же знакомым и уютным, как ее собственная спальня, и она чувствовала себя здесь так же уверенно, как в своей опочивальне. Она знала все секреты клиентов корчмы. Она могла взглянуть на любого из присутствующих здесь мужчин и совершенно точно определить, какие неприятности подстерегают его дома. Порой она знала это гораздо лучше, чем сами мужчины. Она знала секрет дочери Такача, потому что многие молодые девушки в Надьреве приходили, напуганные, к повитухе, чтобы прервать свою беременность. Она знала о неприятной сыпи старого Надя, которую она успешно вылечила. Она знала, что Чабай, только что вернувшийся с фронта, поколачивает свою жену. Она знала, что жена Вилага панически боится своего мужа-тирана. Будучи хранительницей всех этих секретов, тетушка Жужи чувствовала, что обладает более могущественным средством, чем любое зелье, которое она могла приготовить на своей кухне.

Тетушка Жужи прокричала Анне сквозь гомон корчмы свой заказ, пошарила в кармане фартука в поисках трубки и закурила, периодически поднося ее к тонким губам. Затем она внимательно оглядела все помещение. Вот Лайош распластался у стойки. А вот Шандор-младший играл в карты за столом у окна.

Шандор-младший был хорошим игроком в карты. Он освоил уже несколько игр, что, по его твердому убеждению, давало ему неоспоримое преимущество перед его друзьями. Когда он выигрывал, то покупал выпивку для всех в корчме и отправлялся домой точно так же, как и приходил сюда – с пустыми карманами.

Шандор-младший мог проводить за картами целые часы. Ему было удобно сидеть, откинув свое костлявое тело на спинку стула, подогнув ноги и прихлебывая кофе или какой-либо другой напиток. Время от времени он закуривал, но ел очень мало.

С годами он все больше сутулился, его походка стала неуклюжей, так как мышцы его ног парализовывало все сильнее. Временами он чувствовал острые боли в животе.

Большинство сверстников, с которыми вырос Шандор-младший, были призваны на войну, но с ним дружили некоторые крестьяне старше его по возрасту и подростки, которые воспринимали Шандора-младшего как своего старшего двоюродного брата.

Он вел себя с окружающими невозмутимо и доброжелательно. Иногда он мог еще немного поозорничать, но дни, когда он дурачился часами напролет, уже прошли. Выходки, которые он позволял себе подростком, теперьгодились только для историй, которые он рассказывал, пока тасовалась и сдавалась новая колода.

Тетушка Жужи огорчилась, увидев в корчме Шандора-младшего. Как жаль, подумала она, что им уже давно никто не занимается и он мучился все сильнее. Его жизнь постепенно превращалась в сплошной клубок мучительных проблем, которые приходилось решать. Тетушка Жужи прекрасно знала, как она поступила бы с Шандором-младшим, если бы ей предоставили такую возможность.

Когда повитуха заметила в корчме Михая, внутри у нее все сжалось. Она не привыкла видеть его здесь. Она знала, что он предпочитает погребок «Круг чтения», где он мог насладиться бокалом сладкого токайского вина, читая еженедельники, которые там всегда были под рукой. Однако она быстро взяла себя в руки. Она научилась притворяться равнодушной к Михая. То, что когда-то произошло между ними, осталось в далеком прошлом. Она постоянно напоминала себе об этом.

Михая в Надьреве любили и уважали, как никого другого. Раньше он много лет был мировым судьей, многие искренне считали его своим другом. Большинство мужчин хотели бы быть такими, как Михай Кардош. Любая женщина желала оказаться с ним в постели. То, что после смерти своей жены он выбрал Марицу, многих озадачило. Другим этот шаг разрушил их надежды.

Если повитуха и была недовольна новыми отношениями Марицы с ее прежним любовником, то она хорошо скрывала негодование от своей подруги. Она уважала Марицу, которая напоминала ей цыганок, которых она знала в детстве, полных жизни и совершенно не похожих на тех «ворон», которые стояли толпой у колодца, сплетничали и показывали пальцем на распутниц (грех, в котором тетушка Жужи и ее сестра, безусловно, тоже были повинны).

Михай отмечал в корчме свои именины. Он сидел во главе стола, уставленного кувшинами с вином, обильными закусками и подарками. Вместе с ним это торжество праздновали его ближайшие приятели. Тетушка Жужи наблюдала за Михаем, как ястреб наблюдает за добычей. Покончив с едой, она постучала толстым пальцем по чаше своей трубки, чтобы вытряхнуть пепел, залпом допила остатки спиртного и со стуком поставила стакан на стол. Затем она поднялась со скамьи и подхватила свои тяжелые корзины.

– Ты платишь сегодня? – окликнула ее Анна.

Повитуха не потрудилась поднять на нее глаза. Она вразвалку направилась к двери, осторожно обходя на своем пути столы. Уже у самой двери она прокричала в ответ:

– Господь милосердный заплатит за все!

Выйдя на улицу Арпада, она направилась домой, чтобы, как обычно, слегка вздремнуть.

* * *

Марица после возвращения провела свои первые недели в Надьреве, заново знакомясь с родной деревней. В один из дней она спустилась к излучине реки, где в детстве играла с куклами, после этого вышла на Венгерскую равнину, чтобы осмотреть свои владения. Это были заросшие сорняками луга с сухой, побуревшей травой, которая выросла Марице выше пояса, но их вид все равно порадовал ее. Она была последней в семье Шенди из оставшихся в живых. Теперь все состояние Шенди принадлежало только ей одной.

Когда Марица возвращалась со своих дневных прогулок, она часто видела, как соседи на крылечках лушили кукурузу на корм скоту. Она останавливалась, чтобы пропеть у их калитки: «При-и-вет!» Взамен она получала весьма сдержанный ответ, такой же краткий и завершённый, как звук снимаемой с початков обертки. Помимо нескольких двоюродных сестер, которые чувствовали себя просто обязанными (в силу родственных связей) быть с ней вежливыми, тетушка Жужи по-прежнему оставалась единственной подругой Марицы.

Иногда, возвращаясь, Марица заставала у себя дома Шандора-младшего, погруженного в беседу с Михаем. Шандор-младший жил вместе со своим отцом, но с тех пор, как Марица вернулась в деревню, быстро подружился с Михаем. Михай и Шандор-младший обычно беседовали в гостиной или же выходили в хлев и пили спиртное из фляжки, которую Михай там держал. Михай был терпелив с Шандором-младшим, и это терпение только разжигало гнев Марицы. Ее задевало то, как все жители деревни относились к Шандору-младшему. Обязательно оказывался кто-то, кто, проезжая мимо на телеге, останавливался, чтобы предложить подвезти его в корчму, в деревенскую ратушу, к реке или куда-либо еще, куда тому захотелось бы попасть. Деревенский пекарь постоянно заботился о том, чтобы приготовить Шандору-младшему свежий батон, хотя у того почти никогда не было аппетита. Проявление такой доброты серьезно задевало чувства Марицы. Зачем столько хлопот и шума из-за мальчика-калеки? Она не могла этого понять.

Марица обнаружила, что такое отношение деревенских к Шандору-младшему проявлялось и в прошлом. Она узнала об этом совсем недавно. Три года назад ее сын, еще не отказавшись в то время от своих постоянных проказ, во время работы ночным сторожем на спор стащил трех цыплят со двора одного из членов сельского совета. Михай в то время был мировым судьей и вынес Шандору-младшему самое мягкое наказание из всех возможных. Тот, правда, потерял работу ночного сторожа, и с тех пор у него уже не было нормальных заработков.

Какими бы сложными ни казались вопросы, связанные с Шандором-младшим, Марица не могла также игнорировать проблемы, касавшиеся Шандора-старшего. Она недооценила то, как трудно будет ей снова жить вместе с ним в одной деревне. Куда бы она ни пошла, тень ее греха повсюду следовала за ней.

С этим бременем, давившим на нее, Марице оставалось только одно: пойти к своей подруге, тетушке Жужи, которая могла не только предсказать ей судьбу, но и подсказать, что ей делать дальше.

* * *

Марица добралась до Сиротской улицы и, открыв калитку, вошла во двор дома тетушки Жужи. Поднявшись на крыльцо, она постучала в окно. Когда повитуха открыла дверь, Марицу встретил приторно-сладкий запах табака тетушки Жужи. Кухня была тем местом, где повитуха проводила большую часть своего дня (когда она не дефилировала по деревне), и запах ее любимого табака там стал уже неистребим.

Марица села за длинный кухонный стол. На ней было одно из ее самых простых платьев, но все равно на Марицу было очень приятно посмотреть. Утром она разгладила свое платье утюжком, и на нем пока еще не появилось ни единой морщинки. Она с тревогой сидела, ожидая, когда повитуха начнет с ней разговор. Ежедневные визиты к тетушке Жужи были для нее чем-то большим, чем просто дружеское общение. Письма и телеграммы, которыми они обменивались на протяжении многих лет, являлись для Марицы живительной силой во время ее пребывания в Будапеште. Теперь же, когда она жила так близко от своей подруги, она могла обращаться к тетушке Жужи за советом практически по любому поводу. Марица привыкла считать повитуху своей личной феей, способной силой волшебства заставить будущее подчи-

ниться ее воле. Марица могла излагать за кухонным столом тетушки Жужи все свои обиды и проблемы – и рассчитывать на то, что они будут успешно решены.

Повитуха прошаркала к буфету за старой колодой игральных карт. Вернувшись к столу, она плюхнулась на скамейку напротив своей подруги. Ей не нужно было спрашивать Марицу, что именно ту заботило. Тетушка Жужи достаточно часто слышала жалобы на Шандора-младшего и уже порядком устала от них.

– Почему ты с ним все еще возишься? – часто интересовалась повитуха.

Тетушка Жужи положила колоду на стол перед собой, вытащила несколько карт и развернула их веером «рубашками» вверх в своей любимой манере предсказывать. У нее имелось несколько способов для гадания, однако Марица предпочитала карты. Тетушка Жужи перевернула несколько карт лицевой стороной вверх и окинула каждую серьезным, задумчивым взглядом. Затем она объяснила Марице, о чем ей они рассказали.

После этого она потянулась через стол за своим табаком, бросила щепотку в чашу своей трубки и утрамбовала ее. Затем повитуха взяла со стола трубочный тампер⁸, как следует примяла табак и, глядя на Марицу, которая внимательно изучала карты, сказала своей подруге:

– У меня есть один способ.

Тетушка Жужи порылась в кармане фартука в поисках спичек, раскурила трубку и с удовольствием сделала глубокую затяжку.

– Все это продлится недолго, – произнесла она, выпуская изо рта дым.

Затем повитуха потянулась через стол, собрала карты в общую колоду и завершила свою мысль:

– Тебе не придется наблюдать за мучениями своего сына.

Что же касается второй из проблем Марицы, которая касалась Шандора Ковача-старшего, то у тетушки Жужи имелась прекрасная идея и на этот счет. Марица уже давно уяснила для себя, что у повитухи всегда было наготове решение для любой проблемы.

* * *

Летние урожаи принесли деревне неплохую прибыль. Арбузов и картофеля было в изобилии, а к концу сентября начали жать пшеницу, которая тоже хорошо уродилась. Однажды в конце сентября деревню вдруг поразила новость о том, что Шандор Ковач-старший умер. Его смерть потрясла весь Надьрев. Шандору-старшему было всего сорок четыре года, и все лето он усердно работал в поле. Для деревенских стало полной неожиданностью то, что такой привычный к физическому труду человек мог внезапно скончаться.

Если бы Марица проявила толику мужества или же, по крайней мере, хотя бы любопытство, то она бы пошла в сельскую ратушу, чтобы взглянуть на реестр смертей. В таком случае она могла бы прочитать, что было указано в качестве причины смерти ее бывшего мужа. На этот раз тетушка Жужи велела звонарю в этой строчке написать «апоплексический удар».

Шандор-старший не хотел иметь ничего общего с Марицей с тех пор, как она вернулась, но Марица тем не менее чувствовала присутствие своего бывшего мужа везде, куда бы она ни пошла. Ей казалось, что его тень маячила в каждом проходе магазина, за каждым углом, за каждым поворотом дороги. Он был подобен тяжелому туману, который постоянно пытался окутать ее, и с его смертью этот туман рассеялся. Теперь Марица ясно видела, что ей следовало делать дальше.

---

⁸ Трубочный тампер – инструмент, которым окончательно приминают табак либо во время курения перемещают уголек внутри чаши для равномерного тления табака; среди курильщиков называется «топталкой» или «пяткой» (поскольку по форме зачастую является стержнем с загнутым и расплюснутым концом).

Она не смогла заставить себя принять решение тетушки Жужи относительно ее бедного сына, но она тем не менее придумала способ, как вычеркнуть его из своей жизни в Надьреве. Теперь, когда Шандор-старший не мешал ей, она, не теряя времени, приступила к реализации своих планов. У нее все еще оставались полезные связи в Будапеште, и через них она смогла устроить там Шандора-младшего на работу в управление городского транспорта.

Вот теперь ей наконец-то ничто не мешало начать жизнь с чистого листа.

* * *

Данош уже несколько недель жил на своем участке, и осенние ночи теперь стали холодными. Большую часть лета он спал под открытым небом, лежа на своей циновке под ярким светом звезд. Он проводил так ночь за ночью. Готовясь вечером улечься спать, он то мурлыкал себе под нос какую-либо мелодию, то пел в полный голос, и тогда его голос разносился по Венгерской равнине, как птичье пение.

Последние несколько ночей он из-за наступившей прохлады спал в своей соломенной хибарке, которую было бы справедливее назвать шалашом. Она была не выше конических стогов сена, разбросанных по полям. Даношу приходилось пригибаться, чтобы попасть в нее, поэтому, если погода позволяла это, он предпочитал спать снаружи.

Чтобы согреться, Данош перед сном всегда выпивал немного спиртного. Вот и сейчас, накинув на себя овчинную шубу в качестве одеяла, он поднял с циновки свою фляжку ромбовидной формы, подаренную ему много лет назад, поднес ее к губам и сделал большой глоток. Он почувствовал, как спиртное потекло по горлу, согревая его.

Данош мучительно обдумывал, что ему делать. У него не шло из головы, какие недобрые взгляды последнее время стала бросать на него повитуха.

За девять лет, прошедших с тех пор, как он стал жить под одной крышей с тетушкой Жужи, он узнал свою тещу настолько хорошо, насколько может пленник узнать своего похитителя. Данош наблюдал, как она поутру выбиралась из дома со своими неизменными корзинами, а затем возвращалась с ними, полными разных даров и поборов, как после полудня она снова выбредала наружу, чтобы перекусить в корчме семейства Цер. Он видел, как она относилась к его маленьким сыну и дочери, как внимательно следила за тем, чтобы они хорошо ели, как каждый день отправляла их в школу, а после школы гуляла с ними по своему саду, рассказывая им о растениях и предостерегая их от ядовитых ягод и цветов. Она была с ними так же нежна, заботлива и внимательна, как его собственная бабушка была нежна, заботлива и внимательна с ним, Даношем.

И все же опыт, накопленный Даношем от совместной жизни с повитухой, смог прояснить ему, какую опасную паутину она умела плести, какие коварные силки могла расставлять. Он понял, что то зелье, которое она варила на своей кухне, не всегда предназначалось для исцеления. А не так давно он случайно подслушал приглушенный ночной разговор повитухи с его женой и ее братьями. Это был разговор, не предназначенный для его ушей.

Поэтому однажды Данош не стал возвращаться вместе с остальными крестьянами в деревню, а просто остался на своем участке. Многие холостяки целыми неделями жили летом в поле на открытом воздухе, и он порой поступал точно так же, когда он был холост. Правда, сейчас он пошел на этот шаг по совершенно другим причинам, нежели в те времена.

Данош понимал, что не может бесконечно жить на своем участке. С приближением зимы ему придется вернуться в деревню. Последние несколько ночей он провел, прикидывая, где теперь будет жить. В конце концов он решил, что сможет устроиться в небольшом помещении в тыльной части своей цирюльни. Он совершенно точно знал, что больше никогда не сможет вернуться на Сиротскую улицу в дом номер один. Как и его тесть много лет назад, Данош понял, что ему не остается ничего иного, кроме как спастись бегством.

Смертельный грипп, павшая империя и несбывшиеся мечты

[Тетушка Жужи] обладала большой наблюдательностью, острым умом и неисчерпаемой энергией. Она воплощала собой поистине образец беспринципности. Толстая, постоянно улыбающаяся, похожая на Будду, она знала все заботы и неурядицы жителей деревни. Джек Маккормак, «Нью-Йорк таймс»

Носовой платок тетушки Жужи был мокрым. Повитуха, замочив его в приготовленном ею «марсельском уксусе»⁹, теперь прижимала его ко рту и носу, чтобы защититься от болезни, которая валила окружающих с ног. Повитуха такого еще никогда не видела в своей жизни. Ее выпуклые, словно у ящерицы, глаза, выглядывавшие поверх платка, слезились и горели от насыщенных паров эфирных масел. Тем не менее ее обоняние травника могло безошибочно определить те травы, которые она намешала в свою смесь, а также вино, которое она добавила для дополнительного эффекта.

Это было просто поразительно, насколько быстро распространялся вирус и какой большой ущерб он наносил. Страна отправила на поля сражений три с половиной миллиона человек, и теперь, приближаясь к концу войны, насчитывала два миллиона жертв¹⁰. Однако новая болезнь, которую прозвали «испанкой», была не менее жестоким оружием. Она была похожа на выпущенного на волю невидимого зверя, который проявлял особый аппетит к молодежи. Повитуха не могла этого не заметить.

Мокрый носовой платок был ужасно холодным. Держать его рукой, которая страдала от артрита, было просто мучительно, и все же тетушка Жужи заставляла себя делать это. Она наклонилась, чтобы поднять с пола одеяло, и ее ладанка, всегда висевшая на шнурке у нее на шее, стала раскачиваться перед ее лицом. Повитуха была уверена, что амулеты в маленьком кожаном мешочке так же оберегают ее благополучие, как и «марсельский уксус». Кроме того, она объясняла свое относительно хорошее здоровье (несмотря на смертельный грипп, косивший всех вокруг) действием тех обрядов, которые она совершала у себя в доме. У нее не было сомнений, что они защищали ее. Тетушка Жужи часто думала, что, если бы *гадзо*, белые люди, уважали цыганскую магию, они не были бы такими слабыми телом.

Повитуха скатала поднятое одеяло в комок и засунула его в холщовый мешок, который принесла с собой из дома. После этого она вытерла руки мокрым носовым платком и опустилась на четвереньки. Ее черное шерстяное пальто сковывало ее движения. Его сшил для нее деревенский портной много лет назад, когда она была не такой раздобревшей, как теперь. Сейчас же, когда она присела на четвереньки и попыталась расправить образовавшиеся складки пальто, которые мешали ей, это у нее не получилось.

Рядом с тетушкой Жужи стояло деревянное ведро, которое она наполнила водой и уксусом. Она вытащила тряпку, которая плавала в нем, и принялась промывать земляной пол. Раз за разом, опуская тряпку в ведро, она выплескивала на пол перед собой новую порцию ледяной воды. Она могла видеть пар от своего дыхания, невольно пыхтя от усердия. Этим утром насквозь продуваемая сквозняками лачуга, в которой повитуха занималась уборкой, пока еще оставалась холодной.

---

⁹ «Марсельский уксус» (другие названия: уксус четырех воров, марсельское лекарство, профилактический уксус, камфорная уксусная кислота) – смесь уксуса с красным или белым вином или сидром, настоянная на травах, специях или чесноке; как считалось, эта смесь могла защитить от чумы.

¹⁰ Исследователи сходятся во мнении, что в Австро-Венгрии во время Первой мировой войны было мобилизовано до 9 миллионов человек, погибло около 1,5 миллиона военнослужащих.

Закончив мыть пол, тетушка Жужи поднялась и стала протирать грязные стены. Они тоже были холодными и влажными, с трещинами и щелями, из которых задувал ветер. Повитуха еще не видела более убогого жилища, чем эта лачуга деревенского глашатая¹¹, которая была самой маленькой в деревне.

В последнее время она провела в этой ветхой лачуге из двух комнат, ютившейся у реки, так много времени, что, даже закрыв глаза, могла по памяти воспроизвести каждую ее деталь: и плохо пригнанную дверь, и пустые шкафы, и выцветший гобелен, свисающий с расшатавшихся крючков в передней комнате. Сейчас лачуга пустовала, и повитухе не терпелось поскорее покинуть ее.

В последние несколько недель жилище глашатая было переполнено больными жителями деревни, которые находились там на карантине. Тетушка Жужи ухаживала за ними во время первой волны «испанки», а затем и во время второй. В течение двух лет в страну не поступало никаких лекарств, но тетушка Жужи была гораздо более уверена в своих собственных припарках и настояшках, чем в том, что использовали врачи или персонал больницы.

Во время карантина на полу лачуги для больных были разостланы соломенные циновки, *дику*, которые крестьяне обычно держали в хлеву, чтобы при необходимости поспать на них. Некоторые из больных принесли свои дику с собой, другие циновки доставлялись в лачугу позже членами семьи заболевшего по просьбе тетушки Жужи. Родственники также приносили хлеб, суп, гуляш. Они поднимались на крыльцо и вручали повитухе горшочки с едой. Большинство больных были слишком слабы, чтобы есть, поэтому тетушка Жужи охотно угощалась принесенным вместо них.

Повитуха изо всех сил старалась поддерживать тепло в жилище глашатая, чтобы больные не мерзли. Вначале она сожгла имевшийся запас дров, затем перешла на сено, после этого принялась отапливать дом сухой кукурузной шелухой, лепешками навоза, сухими ветками и листьями, которые могла найти в округе. Она делала все, что было в ее силах, чтобы поддерживать огонь в дровяной печи на крошечной кухне. Она заворачивала своих пациентов в шерстяные одеяла, которые они принесли с собой из дома, и следила, чтобы они не раскрывались в забытии.

В основной комнате стоял старый, ободранный стол, который она отодвинула в сторону, чтобы освободить место для больных. Вдоль стен рядами выстроились ночные горшки, которые тетушка Жужи совсем недавно вымыла и тщательно обработала раствором уксуса. У повитухи уходила масса времени и сил на то, чтобы выносить горшки в уборную на дворе, поэтому она была рада, что теперь наконец-то освободилась от этой обязанности. Кухня примыкала к основной комнате, другая комната, поменьше, служила спальней. Там тетушке Жужи иногда удавалось урывками поспать.

Как дом тетушки Жужи, так и это жилище глашатая были предоставлены своим нынешним хозяевам решением сельского совета. Когда его дом был реквизирован на время карантина, глашатай переехал в прихожую сельского клуба, забрав с собой свою одежду и барабан. То помещение в основном использовалось как кладовка. Наряду с этим оно служило также местом изоляции, где время от времени приходилось отбывать свой срок тем, кто попался на каком-либо мелком правонарушении. Кого-то за такие проступки пороли на специальной скамейке на главной деревенской площади, кого-то водили по деревенским улицам с табличкой на груди, на которой было, например, написано: «Я украл козла Такача», ну, а некоторые проводили ночь (зачастую заодно отсыпаясь после пьянки) в прихожей сельского клуба. Именно сюда Михай приказал отправить Шандора-младшего в наказание за кражу цыплят.

---

¹¹ Деревенский глашатай – житель деревни, которому поручалось делать на улицах публичные объявления, сообщать о распоряжениях местных властей, информировать о важных событиях.

Деревенский глашатай вначале был простым рыбаком. И его отец, и дед тоже были рыбаками, однако именно на глашатае эта семейная традиция прервалась. Это случилось, когда пятьдесят лет назад организовали регулирование стока Тисы и большая часть рыбы направилась по другому руслу, которое проходило в некотором отдалении от Надьрева. Потомок семьи рыбаков, оставшись с пустыми сетями и лесками, был вынужден согласиться на должность деревенского глашатая, когда ему ее предложили.

С тех пор в его обязанности входило выкрикивать сводку новостей и различные объявления по крайней мере дважды в неделю, по пять раз в день, начиная на рассвете у колодца на главной площади и постепенно переходя к другим достопримечательным точкам родной деревни. Развернув свой информационный лист, он выкрикивал заголовки из будапештских и сольнокских газет, которые отправлялись в деревню по телеграфу, перемежая их объявлениями, которые секретарь сельского совета, Эбнер, поручал ему оглашать.

Он отбивал на барабане, висевшем у него на груди, длинную дробь, после чего зачитывал:

«В школу нанят новый учитель...»

«В округе Сольнок немедленно вводятся в действие новые правила ведения сельского хозяйства...»

«Бера продает свою корову...»

«У Тота есть на продажу новые винные бочки...»

«Сын Паппа освобожден из русского лагеря для военнопленных...»

Весь инструмент, который требовался деревенскому глашатаю для исправного выполнения им других возложенных на него обязанностей: тряпки для чистки двух керосиновых уличных фонарей, метла для наведения порядка вокруг ратуши и на рынке после торговых четвергов, – хранился в прихожей сельского клуба, в которой он теперь спал.

На глашатая была возложена еще одна обязанность, которая заключалась в ведении деревенских метрических документов и книги еженедельной записи на прием к старому доктору Цегеди.

Несмотря на вторую волну пандемии, которая поразила деревню не менее сильно, чем первая, никто уже несколько недель не видел в Надьреве старого доктора. Проливные дожди размыли дороги, ведущие сюда, и даже при всем желании попасть в Надьрев теперь стало практически невозможно. Тетушка Жужи справедливо полагала, что доктор Цегеди сможет вновь еженедельно посещать деревню не раньше следующей весны, когда погода улучшится и дороги придут в норму.

Сейчас все худшее было уже позади. В Надьреве из-за смертельного гриппа скончалось много жителей, однако точно такая же картина наблюдалась и в других деревнях. Теперь же болезнь отступила, и последний пациент, за которым ухаживала повитуха, вернулся домой.

Тетушка Жужи наклонилась и подняла холщовый мешок, в который она запихнула поднятое одеяло. Она была довольна тем, что очистила лачугу глашатая от заразы. Подобрал оставшуюся циновку, она сунула ее под мышку, прихватила свои корзины и рывком открыла дверь. Снаружи шел дождь и дул пронизывающий ветер. Повитуха какое-то время помедлила на прогнившем крыльце. Она едва могла различить Тису, хотя та текла всего в нескольких метрах перед ней. Стараясь заслониться от речного песка, который порывы ветра швыряли ей в лицо, тетушка Жужи вышла на улицу Шордич, мокрую дорожку, которая петляла от жилища глашатая у реки к деревенской площади. Она возвращалась в свой дом, чтобы прокипятить одеяло.

Повитуха проковыляла мимо церкви, пересекла пустую площадь и вскоре оказалась перед цирюльней. Данош часто оставлял дверь своего заведения приоткрытой, и тетушка Жужи раньше могла туда без помех заглянуть, чтобы повнимательнее присмотреться к своему зятю. Из-за пандемии почти все магазины и учреждения закрылись, тем не менее, повитуха решила попытать удачу. Она вразвалку подошла к цирюльне и заглянула в окно. Она смогла

увидеть отгороженное занавесками помещение в тыльной части, в котором, как она знала, поселился Данош.

Она вовсе не возражала против того, что ее зять покинул семейный очаг. Такая альтернатива ее вполне устраивала.

* * *

В ноябре в деревню пришло известие о подписании перемирия между воюющими сторонами. Первая мировая война закончилась. Австрийская империя, которая правила Центральной Европой со времен Средневековья (в течение последних семидесяти лет совместно с Венгрией) лежала в руинах. Королевства Венгрии, процветавшего в течение почти тысячи лет¹², больше не существовало. Вместо него поспешно создали Венгерскую демократическую республику, однако всем было ясно, что она не продержится долго. Именно так и случилось. Румынская армия вторглась в страну и в течение почти двух лет оккупировала Трансильванию, восточную область Венгрии. Союзные державы угрожали поделить большую часть той территории, которая осталась от Венгрии, раздав эту добычу странам-победителям. На карту были поставлены две трети земель Венгрии.

На этом фоне венгерские военнопленные, которые в русском плену приобрели крайне радикальные взгляды, стремились склонить общественность на свою сторону и привести к власти коммунистов-большевиков.

Будапешт был переполнен бунтовщиками, революционерами и преступниками, нация истекала кровью. Но единственной новостью, которая хоть что-то значила для Марицы, было то, что ее муж, лейтенант, вернувшийся с фронта и обнаруживший, что она сбежала, дал ей развод.

Все эти месяцы, проведенные в Надьреве, Марица жила с Михаем в гражданском браке. Официально она все еще находилась замужем за лейтенантом из Будапешта, по этой причине она могла иметь с Михаем именно такие отношения. Однако она была серьезно разочарована тем, что с ней обращались не так, как если бы она была настоящей женой Михая. Возвращаясь в Надьрев, она рассчитывала совсем на другое. Ей рисовались совершенно иные картины, нежели те, свидетелем которых она стала. Все ее честолюбивые мечты развеялись как дым. Самое неприятное заключалось в том, что, как бы Марица ни старалась, эта ситуация не исправлялась. Деревенские относились к ней сейчас с тем же презрением, с каким относились и тогда, когда она уезжала двадцать лет назад, и это приводило ее в настоящую ярость.

Иногда бессонными ночами Марицу охватывало сожаление о том, что она уехала из Будапешта. Да, это правда, что ей было там скучно и к тому же одиноко. Да, они с мужем были вместе только половину времени от их семейной жизни, другую половину ее муж был вынужден провести на фронте. Да, те проблемы, с которыми она встретилась в столице, не поддаются описанию. Марица поклялась себе никогда не упоминать об этом ужасе, и она сдержала свое обещание. Но наряду с этим следовало признать, что она была женой известного в столичных кругах человека, что помогло ей выбиться в свет. А именно этого она и добивалась всю свою жизнь. Она всегда, с тех пор, как только научилась ходить, мечтала докарабкаться до достойного социального статуса. Это заняло у нее много времени, но она смогла добиться того положения в обществе, которого она, по ее твердому убеждению, заслуживала.

Теперь у Марицы появилась реальная возможность выйти замуж за Михая. Теперь для этого не существовало никаких препятствий. И если жители деревни вслед за этим не станут открыто выражать ей уважение, у нее будет полное право потребовать от них изменить свое отношение к ней.

---

¹² Королевство Венгрия было провозглашено Иштваном Святым, принявшим титул короля, в 1001 году.

Однако после того, как одна проблема была благополучно решена, неожиданно возникла новая. В общем потоке телеграмм, которые стали наводнять деревенское отделение почты и телеграфа в послевоенном хаосе (секретарь сельсовета Эбнер ежечасно получал последние известия о нестабильной политической ситуации в стране), пришла телеграмма от Шандора-младшего. Управление городского транспорта Будапешта признало его «непригодным к исполнению своих служебных обязанностей», и он возвращался домой.

«Пой, мой дорогой мальчик!»

*Куда идут цыгане, там есть и ведьмы.
Старинная цыганская поговорка*

Когда наступила весна, крестьяне, как всегда, отправились в поля, только теперь, в отличие от прежних лет, в их сердцах был страх.

Война не могла обойти Надьрев стороной. Мужчины уходили на фронт, жители деревни познали и другие тяготы военного времени. Но во многих отношениях они пока еще не сталкивались с более суровыми испытаниями. В их распоряжении была повитуха, которая лечила заболевших; они не голодали, кормясь тем, что приносила им земля. Да и поля сражений, надо признать, положила руку на сердце, находились в сотнях, если не в тысячах километров от деревни. Таким образом, реальная угроза жителям Надьрева возникла лишь после окончания Первой мировой войны.

В конце марта к власти в стране пришел жестокий коммунистический режим¹³. Он установил тотальный контроль над прессой, учебными заведениями, банками и сформировал новые вооруженные силы: Венгерскую Красную армию.

Жители Надьрева больше всего боялись военизированного отряда под названием «Ленинцы», который действовал в сельской местности, бессмысленно убивая и подвергая пыткам тех, кого он считал противниками нового режима. Как стало известно жителям деревни, в одном селе «Ленинцы» выбили женщине зубы стамеской, а другой пришили язык к ее носу, в соседнем селе они забили гвоздь в голову мужчины. В Сольноке командир отряда «Ленинцев», народный комиссар по военным делам Красной армии, казнил двадцать четыре человека, включая председателя городского суда¹⁴.

Репрессии в стране стали повсеместным и неизбежным фактом, и жители Надьрева с тоской вспоминали те дни, когда деревенский глашатай зачитывал им не список совершенных за последнее время злодеяний, а предложения о продаже коровы или какой-либо другой домашней скотины.

Венгерская Красная армия пыталась организовать сопротивление иностранным захватчикам, однако была вынуждена отступать. С момента окончания Первой мировой войны осенью прошлого года большая часть Венгрии была оккупирована, в основном румынскими войсками. Более четырех месяцев Красная армия Венгерской советской республики удерживала последний рубеж у Сольнока, прежде чем сдать румынам в конце июля.

* * *

Пятница, 1 августа 1919 года

Телеграфный аппарат в деревенском отделении почты и телеграфа трещал не переставая. Большинство депеш информировало о захваченных населенных пунктах по мере продвижении румынских войск, жаждущих объявить о своей победе, к столице Венгрии. Поступали также сообщения о грабежах и вооруженных стычках в этих населенных пунктах.

До местных жителей доводили лишь обрывки этих новостей, однако деревенские прекрасно понимали, что их ожидает, и были готовы к самому худшему. И большинство из них

---

¹³ В период с 21 марта по 6 августа 1919 года в Венгрии (примерно на 23 % ее территории) существовала Венгерская советская республика. Фактически власть была сосредоточена в руках комиссара иностранных дел Белы Куна.

¹⁴ Расправа «Ленинцев» в Сольноке над лицами, обвиненными в контрреволюционной деятельности, действительно была организована народным комиссаром по военным делам Венгерской советской республики Тибором Самуэли, однако командиром «Ленинцев» являлся Йозеф Черни.

предпочли бы, чтобы кто-нибудь другой, кроме секретаря сельсовета Эбнера, руководил ими в нелегкие времена, которые им предстояли.

Эбнер казался им персонажем одной из сказок, которые рассказывали деревенским чудесными летними вечерами перед войной странствующие сказители. В те замечательные предвоенные годы через деревню проходило множество торговцев, вразнос продававших различные товары или устраивавших разные представления. Среди этих коробейников были и патлатые пророки, предлагавшие увесистые Библии, и шпагоглотатели, и точильщики ножей, и цыгане с танцующими медведями, и поэты. Но самыми многочисленными и популярными были сказители. По вечерам все устраивались в хлеву, где в яме горел огонь, а по кругу пускался кувшин со спиртным. Дети в ночных рубашках прижимались к дремлющей корове, привязанной в стойле, или же друг к другу, укрывшись одеялом. Взрослые следили за очередной историей с неослабным вниманием. Некоторые слушали, закрыв глаза, чтобы сказочные образы более четко формировались в их воображении. В танцующих тенях от огня рассказчик наполнял хлев образами королевских подвигов, магических воронов, различных животных, наделенных божественной силой, и своекорыстных, туповатых аристократов-толстосумов, которые напоминали деревенским секретаря Эбнера.

Среди жителей Надьрева Эбнер выглядел иностранцем, эдаким старцем с Альпийских гор, который носил ботинки, купленные на заказ, и тирольскую шляпу с пучком козьей шерсти, заправленным за ленту. Его неизбежным атрибутом являлась большая палка, которой он, морщась (поскольку страдал ревматизмом рук) отгонял бродячих собак.

Эбнер был назначен секретарем сельсовета в 1900 году, в том же году тетушка Жужи была назначена деревенской повитухой. Должность, которую занимал Эбнер, являлась самой высокой в деревне. Сам Эбнер рассматривал занимаемый им руководящий пост как свое право по рождению. Он назначал сам себя в различные советы директоров и присваивал себе различные звания, но все время проводил в основном на охоте и в азартных играх.

Эбнер считал услуги тетушки Жужи одним из бонусов своего положения. Повитуха бесплатно лечила его от всего, что его беспокоило (а также его жену и двух избалованных дочерей). Тем не менее Эбнер искренне симпатизировал ей. Когда она вразвалку входила в корчму семейства Цер и плюхалась за стол напротив него, он всегда был рад ее видеть.

В свою очередь, тетушка Жужи знала, что Эбнер был именно тем человеком, который ей был нужен во главе Надьрева: могущественной, но ленивой особой, считавшей жителей деревни своей частной собственностью. Ему доставляло удовольствие издеваться над ними. В захолустном Надьреве он никого не воспринимал всерьез. Даже повитуху.

Тетушка Жужи однажды устроила Эбнеру испытание. Они вместе выпивали в корчме, когда она сунула руку в карман фартука и достала оттуда свой флакон. Развернув его из белой бумаги, она протянула его Эбнеру.

Тот поднес флакон поближе к лампе на столе и внимательно изучил молочный раствор. Затем откупорил флакон и понюхал его содержимое, раздувая ноздри большого носа. Он настолько близко поднес флакон к своему лицу, что тот щекотал жесткие волоски его моржовых усов.

Эбнер не почувствовал ничего, кроме слабого запаха металла. Для него содержимое флакона пахло просто застоявшейся водой.

– Что это? – поинтересовался он.

– Мышьяк, – ответила повитуха. – Его здесь достаточно, чтобы убить сотню человек. Но ни один врач никогда не смог бы найти его следов.

Эбнер рассмеялся. Повитуха с ее фантазиями всегда забавляла его. Тетушка Жужи рассмеялась вместе с ним и сунула зелье обратно в карман своего фартука.

Однако в этот день Эбнеру было не до смеха: он с глубокой тревогой воспринял в деревенской ратуше известие о приближавшейся румынской армии. Он срочно вызвал к себе в

кабинет деревенского глашатая, сунул ему в руку полученную телеграмму и велел поторопиться. Было крайне важно как можно быстрее сообщить полученную новость жителям Надьрева. Глашатай схватил измятую депешу и выбежал из ратуши вместе со своим барабаном. Эбнер выбежал вместе с ним, чтобы собрать сельский совет на экстренное заседание.

Прибежав на главную деревенскую площадь, глашатай протолкался сквозь стадо овец и мулов, которые пили воду из корыт рядом с колодцем, встал перед скамьей для порки провинившихся и яростно забил в свой барабан.

«Вороны», сбившиеся в кучку у колодца с ведрами у ног, прекратили судачить между собой и насторожились.

Когда глашатай закончил барабанную дробь, он прокричал так громко, как только мог:
– Внимание! Румынские войска наступают на Надьрев!

«Вороны» разлетелись в разные стороны. Разбегаясь по домам, женщины были похожи на колонию мечущихся растерянных муравьев. Вода выплескивалась из их деревянных ведер. Глашатай перешел во двор церкви, и небольшая толпа опоздавших собралась рядом с ним, чтобы выслушать его и затем также поспешить домой. Некоторые из деревенских лихорадочно выпрягали лошадей из повозок и галопом скакали в поле, чтобы там сообщить зловещую новость.

Оказавшись дома, перепуганные жители деревни делали все, что могли, чтобы спасти свое добро. Некоторые прятали ценности в домашних винных погребах (это было одно из лучших мест для надежного тайника). Другие, пробежав по дому и собрав одежду с богатой вышивкой, ценные кувшины, дорогие карманные часы, приобретенные в Будапеште в качестве сувениров, относили все это в подвал. Чтобы замаскировать вход в него, они обрывали с заборов виноградные лозы и тщетно пытались использовать их в качестве камуфляжа. И они прятали свои деньги везде, где только их можно было утаить.

Румынские войска не могли расположиться в усадьбах на окраине Надьрева, поскольку Венгерская Красная армия разрушила все эти усадьбы. Таким образом, румынам оставалось только разместить свой личный состав в деревне. Солдатам предстояло спать в хлевах, а офицеры, перед которыми стояла задача обеспечить румынскую власть в деревне, должны были остановиться в самых достойных для этой цели домах Надьрева.

Когда румынская кавалерия вплотную приблизилась к Надьреву, сельский совет понял, что вряд ли может как следует подготовиться к предстоящей оккупации. Единственное, что было в его силах, – это защитить наиболее уязвимых из числа деревенских жителей от жестокого обращения, которому, как он опасался, могли подвергнуться эти люди со стороны безжалостных румынских солдат. Исходя из этого предположения, сельсовет понимал, что самым беспомощным в деревне являлся Шандор-младший.

Ближе к вечеру Марица вздрогнула от резкого стука в калитку ее с Михаем дома. За этим последовала барабанная дробь глашатая. Они с Михаем в это время лихорадочно готовились к появлению румынских офицеров, прекрасно понимая, что те неизбежно разместятся в их доме.

– Ма-а-ри-и-ца-а Шенди! Выйдите, пожа-а-луйста! – прокричал глашатай.

Глашатай редко приходил конкретно к кому-либо в деревне. Принятые правила требовали, чтобы он только сопровождал жандармов (представителей закона, которым было поручено обеспечивать общественную безопасность в сельских районах¹⁵), когда те приходили произвести арест. Однако в Надьреве уже давно никто не видел жандармов. В деревне не было никаких полицейских структур вот уже более пятидесяти лет. Поэтому, если глашатай и появлялся перед чьим-либо домом, это означало, что он скорее всего сопровождал члена сельского совета, которому было необходимо обсудить с местным жителем то или иное дело.

---

¹⁵ С июля 1914 года жандармы начали осуществлять в Венгрии надзор также за городскими районами.

Марица метнулась к калитке и распахнула ее. На улице стоял глашатай, положив руки на свой барабан. Позади него в окружении небольшой группы членов сельсовета вырисовывалась фигура Шандора-младшего, который выглядел потрепанным, как сорняк, гонимый по полю ветром.

За те месяцы, которые прошли с момента возвращения Шандора-младшего из Будапешта после его провала в карьере служащего Управления городского транспорта, Марица еще больше разочаровалась в своем сыне. Вернувшись в Надьрев, он вновь стал вести прежний образ жизни, который так раздражал Марицу. Как и раньше, он коротал свои дни, играя в корчме в карты. Как и раньше, во второй половине дня он, прихрамывая, спускался к набережной, где курил сигареты и наблюдал за немногочисленными лодками, которые вначале появлялись на реке, а затем исчезали за ее крутым поворотом. Как и раньше, по вечерам он возвращался в корчму и продолжал там играть в карты. Каждый день происходило одно и то же. Марица жаловалась всем о том несчастье, которое наслал на нее Бог, проклянув ее. Однако выслушать ее причитания была готова обычно лишь повитуха. С тех пор, как Шандор-младший вернулся, Марица каждый день приходила к тетушке Жужи и с крайне печальным выражением лица сидела за ее кухонным столом, допытываясь, что же ей следует делать. Ответ тетушки Жужи всегда был одним и тем же: «Почему ты продолжаешь возиться с этим больным мальчиком?»

Марица пристально посмотрела на своего сына, потерянно стоявшего на улице. Она снова увидела, какая у него изломанная фигура, словно у какой-то статуи после землетрясения. Она почувствовала, как в ней поднимается волна горечи и сожаления – однако вскоре ее внимание было привлечено к тому, что говорили ей члены сельсовета. Их аргументы сводились к следующему: румынские войска, несомненно, разместят простых солдат в хлеву у ее сына, который остался один после смерти Шандора-старшего. Члены сельсовета доверяли офицерам, которые наверняка будут вести себя цивилизованно в тех домах, где они расквартируются, но у них не было такого доверия к рядовым румынской армии. По этой причине они опасались за безопасность Шандора-младшего, если он останется в своем доме.

Марица оглядела членов сельсовета. Все они хорошо знали отца Шандора-младшего, и она прекрасно понимала, что они поступали так не только в интересах его сына-инвалида, но и в знак памяти о Шандоре-старшем. Жители Надьева всегда тесно спланивались, чтобы поддержать Шандора-младшего. Многие в деревне были для него как родители, и именно поэтому его отец никогда не отправлял его в больницу в Будапешт, на чем всегда настаивали врачи. Когда Шандор-младший вернулся в деревню после своей весьма кратковременной службы в Управлении городского транспорта Будапешта, его встретили здесь радостными возгласами. А презрение жителей деревни к Марице поднялось на качественно новый уровень.

Однако у Марицы был утонченный нюх, и она почуяла редкий шанс извлечь из этой ситуации свою выгоду. Она учуяла этот шанс так же безошибочно, насколько отчетливо она слышала барабанную дробь глашатая, насколько явственно она видела согнутые от болезни кости своего сына, стоявшего сейчас перед ней. То, как складывались обстоятельства, могло стать удачным поворотом ее судьбы. Она понимала, что сможет полностью осознать всю меру тех возможностей, которые перед ней открывались, лишь с течением времени.

Но сейчас она мгновенно сообразила, что должна воспользоваться этим представившимся ей шансом.

К немалому удивлению членов сельсовета, которые пришли в готовности до последнего отстаивать свою точку зрения, Марица без лишних слов быстро схватила своего сына и потащила его в свой с Михаем дом. Да, безусловно, конечно же, он сейчас вполне мог оставаться с ней. Это вполне отвечало ее планам.

* * *

Улицы Надьева стали пустыми, как могила призрака. Привычный гул уличного движения внезапно исчез. Мягкий топот копыт, раньше доносившийся из мастерской кузнеца, стук молотка сапожника, жужжание швейной машинки портного – все стихло. В тот момент, когда глашатай объявил свое ужасное предупреждение, во всех домах Надьева жизнь затихла.

Проходили часы. Легкий ветерок шелестел в кронах деревьев, в вышине щебетали певчие птицы. Собаки бегали взад и вперед посередине деревенских дорог, радуясь тому, что теперь они могут делать это при свете дня, хотя обычно им позволялось делать это только ночью.

Жители деревни терпеливо ждали своей участи. Двери, которые обычно оставляли открытыми в августовскую жару, теперь были плотно закрыты. Цыплят согнали со дворов в курятники. На окнах закрыли ставни. Можно было различить, как некоторые деревенские пробирались в свои плохо замаскированные винные погреба, чтобы спрятать там последние ценности. Дети постарше вели себя, копируя поведение своих родителей: они осторожно крались из одной комнаты в другую. Если раньше их дома казались им убежищем от всех бед, то теперь они чувствовали настоящий страх, от которого кровь стыла в жилах.

Прошло еще несколько часов.

Замолчавшие птицы первыми дали знать, что наступило то, чего все с таким ужасом ожидали. Через какое-то время по всей деревне послышался грохот. В домах задребезжали стекла. Некоторые смельчаки выскользнули во двор и стали наблюдать в щели между деревянными рейками заборов, как румынская кавалерия входила в Надьев.

Охваченные паникой собаки бросились в разные стороны, уступая дорогу лошадям. Преодолев канавы, они расположились под придорожными кустами. Некоторые из них, поддавшись общему смятению, шныряли под заборами. Кавалеристы ворвались на улицу Арпада. Их остроконечные шлемы были низко надвинуты на лбы, пыльные ташки¹⁶ подпрыгивали на спинах, штыки хлопали по бокам. За кавалеристами следовала группа грязных пехотинцев.

Лошади остановились. Один из офицеров поднес горн к губам и протрубил сигнал. Звук горна пронесся по запутанным улочкам Надьева и достиг болотистых лугов, окаймлявших берега реки, на которых укрывшиеся от посторонних глаз черные аисты прятались среди камышей в ожидании осенней миграции на юг.

* * *

К концу сентября Надьев было уже не узнать. Если улица Арпада раньше была заполнена лошадьми с повозками, то теперь она кишела вооруженными румынскими солдатами. Они расхаживали по улице, как стая волков, высматривавших, чем бы поживиться. Они совершенно беззастенчиво грабили магазины, забирая там все, что им заблагорассудится. В галантерею румынам были вынуждены отдать новые платья, чтобы те могли отправить их домой своим женам. В магазине Фельдмайера полки практически опустели. Румынские солдаты останавливали любого жителя деревни, который пытался пройти мимо них. Они приставляли к его груди острый штык и требовали предъявить паспорт. Пока несчастный крестьянин доставал свой документ, солдаты вытаскивали из его корзины все те скудные товары, которые там оказывались. Некоторые солдаты заставляли прохожих опускаться на колени и приносить клятву верности королю Фердинанду¹⁷.

---

¹⁶ Ташка – вещмешок кавалериста.

¹⁷ Фердинанд I был королем Румынии с 1914 года до своей смерти в 1927 году.

Секретарь сельсовета Эбнер был низвергнут румынами со своего поста, его место занял офицер, командующий оккупационным гарнизоном. Он организовал в деревенской ратуше таможенный пункт, где взимал огромные пошлины со всех товаров.

Рынок, ранее работавший по четвергам, теперь отменили. «Вороны» больше не собирались у колодца на центральной деревенской площади. Солдаты, которые в жару изнемогали в своей шерстяной униформе, использовали колодец для умывания.

Даже тетушка Жужи не отваживалась заходить в корчму семейства Цер, которой полностью завладели румынские солдаты. Лайошу, учитывая его отпугивающий вид, запретили появляться в его собственном заведении.

По ночам вместо привычных сторожей в плащах, которые были вооружены только лампами, улицы Надьева теперь патрулировали солдаты с винтовками.

В деревне ввели комендантский час, который наступал в девять часов вечера, хотя солнце заходило только час спустя. Жители Надьева предпочитали круглыми сутками оставаться дома, чтобы охранять свои жилища. Кроме того (и это было гораздо важнее для них), они не решались оставлять без присмотра своих жен.

* * *

Марица подрезала обугленный фитиль в небольшой лампе старым перочинным ножом, найденным на кухне, и протерла стекло от сажи тряпкой, которую держала для таких случаев. После этого она зажгла эту лампу и стала наблюдать, как в ней разгорался огонь. В доме запахло парафином. Когда Марица взяла лампу и поднесла ее к себе поближе, пламя замерцало.

Свет лампы отражался от штыков, когда Марица пробиралась, как вор, вдоль стены своей гостиной. Она прокралась мимо группы офицеров, сидевших за обеденным столом. В воздухе стоял дым от их сигарет. От их униформы пахло порохом и лошадьми. Марица перешагнула через груды серых холщовых вещмешков, покрытых многодневной пылью, и направилась по узкому коридору.

Через некоторое время после ужина из комнаты вышел Михай. Обычно он прятался в хлеву. Если хватало соломы или сухого навоза, он разжигал там костер в яме, когда наступала ночь. Марица могла видеть из окна свет от этого костра. Если же сжигать было нечего, то Михай сидел в темноте, завернувшись в одеяла, пока не засыпал.

В первые недели после появления румынских войск Михай старался все время быть рядом с Марицей. Когда она выходила на улицу покормить цыплят, он выходил вместе с ней. Когда она шла на кухню, он старался держаться достаточно близко, чтобы она постоянно находилась в поле его зрения. Ему не хотелось выпускать ее из виду, но в конце концов он успокоился. Угроза изнасилования или избиения была вполне реальной для тех жителей деревни, у которых размещались рядовые солдаты, офицеры же не представляли такой угрозы. Когда дело касалось Марицы, они вели себя подобающим образом: отчужденно, но вежливо. Убедившись в этом, Михай стал большую часть времени проводить в хлеву. В его доме поселились оккупанты, чужеземцы, разговаривавшие на чужом языке, и это было для него невыносимо. Каждую ночь он думал об интервентах, собравшихся в его гостиной, делящих свою добычу и планирующих новые грабежи, сидя за его обеденным столом и поедая его ужин.

Если у Михая и были какие-то опасения по поводу того, можно ли оставлять Марицу одну в доме вместе с румынскими офицерами, то с появлением тетушки Жужи они исчезли. Повитуха начала приходить к ним почти каждый день, и Михай знал, что Марица была с ней в такой же безопасности, как и с ним. Румыны знали, что от цыганской колдуньи нужно держаться подальше.

Марица открыла дверь в спальню Шандора-младшего. В углу стояла односпальная кровать, на которой тот лежал, не в силах унять дрожь. Он натянул на себя тонкое одеяло, и Марица могла видеть под ним очертания его хрупкой угловатой фигуры.

Шандор-младший уже несколько дней не вставал с постели. Опорожнялся он в ночной горшок. Тот находился совсем рядом с его кроватью, но Шандор-младший все равно умудрялся испачкаться.

Когда Марица подошла поближе, ее сын дернулся и еще сильнее задрожал под одеялом. Затем он по ее просьбе переоделся в новую ночную рубашку, хотя это и потребовало от него больших усилий. Ту рубашку, которая была на нем, он сбросил на кровать Марице для стирки. Она каждый день стирала по два комплекта его одежды.

Ранее в этот день тетушка Жужи принесла Шандору-младшему чашку кофе, которую он выпил после ее ухода. Вдоль стены рядом с его кроватью тянулся подоконник от окна, которое уже давно было заложено кирпичом. Выпив кофе, Шандор-младший поставил на него пустую финджу, где она так и осталась стоять.

Как-то в приступе отчаяния Шандор-младший признался своей матери, что панически боится той болезни, которая преследовала его всю жизнь и, наконец, навалилась на него всей своей тяжестью, чтобы раздавить его. Вместе с тем он спрашивал тетушку Жужи, которая ежедневно навещала его, не подхватил ли он «испанку».

Марица взяла финджу с подоконника, чтобы отнести ее обратно на кухню, затем подобрала одежду Шандора-младшего, которая пахла просто ужасно. Во всей комнате стоял запах, как в уборной. Вонь начала проникать даже в коридор. Марица оставила Шандора-младшего и поспешила с его очередной ночной рубашкой на улицу, где она развесила ее, чтобы проветрить перед тем, как наутро снова постирать.

* * *

Повитуха отдернула занавеску. Слой инея покрывал ее окно. Она подышала на стекло и после этого протерла его ладонью, чтобы посмотреть, что делается снаружи.

Деревья и кустарники во дворе ее дома были украшены кристаллами льда. Ее собака укрылась от холода в хлеву. Костер, который она обычно разжигала в яме во дворе, не разводился уже несколько дней. Раньше у тетушки Жужи всегда был хороший запас дров, а теперь, хотя наступившая осень была холоднее и более сырой, чем обычно, дров уже почти не осталось. Румыны реквизируют все повозки, приезжавшие в Надьрев, независимо от того, кто правил или что он вез. Тетушка Жужи опасалась, что того запаса дров, который остался у нее в хлеву, ее семье может с трудом хватить до весны.

Повитуха пострадала от оккупантов меньше, чем большинство жителей Надьрева. В ее доме или в хлеву никого не разместили на постой, румыны не насмехались над ней и не досаждали ей, как они поступали с другими в деревне. Несмотря на это, наступившие времена были одними из самых трудных, которые повитуха могла припомнить. Свои убытки от присутствия румынских войск она не могла даже подсчитать. Она была вынуждена отказаться от своих ежедневных поборов. Ее сына уволили с работы в деревенском отделении почты и телеграфа. Его заменил румынский офицер, а это означало, что тетушка Жужи теперь не могла отправлять свои эликсиры и настойки клиентам за пределами деревни.

Она чувствовала себя такой же бедной, какой была в детстве. Она отчетливо помнила те дни, когда прибегала с поддоном горячих углей из соседского дома, чтобы разжечь огонь в лачуге своей семьи. Она помнила, как на Рождество ее отвозили на телеге в деревенскую ратушу, где *гадзо* в качестве благотворительной акции бросали старую детскую одежду в толпу цыганских детей. Маленькая Жужи старалась поймать эти бесплатные рваные тряпки.

Тетушка Жужи рывком распахнула дверь и вразвалку вышла на крыльцо, где уже начал накрапывать ледяной дождь. Спустившись, она осторожно, не торопясь, прошла к калитке по скользкому лоскутному одеялу из осенних листьев, подняла щеколду и сильно толкнула калитку, скованную льдом. Перешагнув канаву, она сплюнула в нее и, переваливаясь с ноги на ногу, двинулась вверх по улице.

Дорога представляла собой отвратительную смесь льда и грязи. Повитуха старалась держаться края улицы, где, однако, идти было очень скользко из-за мокрых листьев. Тетушка Жужи двигалась с предельной осторожностью, тщательно, как охотник, выверяя каждый свой шаг.

Свои корзины она оставила дома. Удостоверение личности лежало у нее в кармане фартука рядом с трубкой и кисетом с табаком. Ее флакон, как всегда завернутый в белую бумагу, был наполнен до самого горлышка. Тетушка Жужи подняла глаза и огляделась. Прикрыв лицо ладонями, чтобы защитить его от падавшего мокрого снега, она внимательно осмотрела улицу – но та была пуста, если только не считать одинокого солдата из румынского патруля. В такую ужасную погоду на улицу выходили только в случае крайней необходимости.

Повитуха протопала через двор дома Марицы и тяжело поднялась на крыльцо, затем без стука вошла внутрь.

Весь последний месяц в доме Марицы было гораздо теплее, чем у нее дома. В жилище семьи Кардошей ни на одном оконном стекле не было изморози. В воздухе витал легкий запах дыма от весело горевших дров. Тетушка Жужи в первые минуты не могла оторвать глаз от огня и большой охапки дров рядом с печкой. Солдаты исправно отнимали их у жителей деревни и приносили офицерам.

К древесному дыму примешивался пряный аромат гуляша, от которого у тетушки Жужи в животе началось глухое урчание.

За столом сидело несколько офицеров. Звенели ложки, гремели котелки и миски, скрипели скамьи. Повитуха видела, как Михай, сидя среди офицеров, подносил миску ко рту, чтобы было удобней глотать тушеное мясо.

На кухне тетушка Жужи заметила Марицу, стоявшую возле дымящейся кастрюли с гуляшом, который тушился на плите.

– У Шандора дела без изменений? – поинтересовалась повитуха.

– Да, все по-прежнему, – ответила Марица.

Тетушка Жужи расстегнула свое пальто. Стоя в дверном проеме, она убедилась в том, что своим пухлым телом заслоняет происходящее на кухне от Михая и офицеров. После этого она полезла в карман своего фартука и нащупала там флакон и достала его.

– Марица, дорогая, это тоже будет стоить шесть тысяч крон, – прошептала она своей подруге.

Это был уже не первый флакон, который тетушка Жужи передавала Марице. Болезненный Шандор-младший умирал далеко не так быстро, как на то рассчитывала повитуха.

Сумма была просто огромной. На такие деньги можно было бы купить десять тонн пшеницы¹⁸. Марица едва смогла собрать эту сумму. Пачка банкнот была такой большой, что ей с трудом удавалось прятать ее все это утро.

Тетушка Жужи выхватила у Марицы деньги и поспешно засунула их поглубже в карман своего фартука.

Это была плата за сорок дополнительных доз.

Повитуха вынула из флакона деревянную пробку и налила две чайные ложки своего эликсира из липкой бумаги в стакан, в который Марица налила воду. Теперь получившийся раствор можно незаметно смешать с чем угодно: с тушеным мясом, кофе, вином.

---

¹⁸ Так в тексте.

Звуки голосов в гостиной то поднимались, то спадали, словно волны.

– Давай это Шандору три раза в день, – прошептала тетушка Жужи, выливая раствор в миску с гуляшом и размешивая ее содержимое своим толстым пальцем.

Затем она передала миску Марице, которая исчезла с ней в коридоре.

После этого повитуха полезла в шкаф. Взяв оттуда для себя миску, она положила в нее большую порцию гуляша и прошла к обеденному столу. Там она плюхнулась на скамейку, тесно прижавшись к офицеру рядом с ней, и погрузила ложку в гуляш. Она знала, что после сытной еды ей будет крепче спать.

* * *

Воскресенье, 2 ноября 1919 года

День поминовения всех усопших

Небеса прохулились проливным дождем.

Измученные лошади и мулы с трудом тащили телеги по глубокой грязи, которая облепляла колеса, медленно, рывками продвигавшиеся по неровной колее. Комки густой грязи шлепались обратно на разбитую дорогу либо летели с колес на мокрую траву вдоль канавы.

Хмурый ноябрь лишь усиливал то отчаяние, которое поселилось в сердце каждого венгра. Каждый год в это время Венгерскую равнину укутывал густой, изнуряющий душу туман, который сплошной серой пеленой закрывал небосвод. Но в этот год унылая хмарь, наброшенная, словно тяжелый осенний плащ, на Венгерскую равнину и заслонившая небо над ней, заставляла венгров с особой болью в душе вспомнить о своих утратах. И когда еще, как не в День поминовения, следовало сделать это! Мадьяры всегда относились к этому дню личных воспоминаний серьезнее, чем, возможно, к любому другому церковному празднику.

По залитым дождем улицам Надьрева жители деревни непрекращающимся потоком шли на кладбище, чтобы возложить приношения на могилы своих близких. Это были дары, призванные успокоить беспокойные души усопших. Желтые хризантемы, спиртное, ветчина (большая редкость по наступившим голодным временам)... Только в этот день приносимые дары не становились предметом пристального внимания или жадных рук румынских солдат. До оккупации деревенский пекарь обычно в этот день продавал много своих огромных буханок «Коса всех святых»¹⁹, каждая из которых была более двух третей метра в длину и почти треть метра в ширину, а весила чуть ли не пять кило. Жители деревни всегда покупали эти буханки, чтобы раздать их бедным. Но пекарь перестал печь их с тех пор, как началась румынская оккупация.

Ближе к полудню тетушка Жужи пробралась сквозь людской поток к дому Марицы. Михай и Марица оставили на кухонном столе гореть свечу, зажженную в память о своих умерших родственниках. Ее пламя иногда порывисто плясало, отбрасывая резкие тени от повитухи, бродившей по кухне своей подруги.

Жестяная кастрюля на плите задребезжала, когда ее содержимое закипело. Тетушка Жужи, шаркая, подошла к кастрюле с полотенцем в руках и сняла ее с плиты, затем потушила огонь. Марица, явно нервничая, не отходила от нее ни на шаг, но повитуху обычно мало что могло отвлечь, когда она решала какую-либо задачу.

В последние недели повитуха и Марица встречались почти каждый день, и тетушка Жужи обратила внимание на то, что Марица вела себя несколько странно. Однажды та чуть не упала в обморок после того, как повитуха на ее глазах дала Шандору-младшему очередную порцию своего зелья. Кроме того, теперь всякий раз, когда они обсуждали план дальнейших действий, голос Марицы выдавал ее волнение.

---

¹⁹ «Коса всех святых» – хлебобулочное изделие из плетеного дрожжевого теста.

Повитуха подняла крышку кастрюли, и по кухне разнесся горький запах эрзац-кофе, приготовленного из моркови и репы. Тетушка Жужи аккуратно налила кофе в финджу. Затем она отмерила из своего флакона в белой бумаге две чайные ложки настойки, поскольку у Марицы запас зелья уже окончился, и добавила отмеренную порцию в кофе, сопроводив это фразой:

– Я отдаю тебе это за пятьдесят крон.

С момента приема первой дозы отравы прошло уже несколько недель. И повитухе, и Марице казалось просто невероятным, что мальчик все еще был жив.

* * *

Ненастная осенняя погода на несколько дней улучшилась, и некоторые мужчины в деревне решили воспользоваться погожими деньками, чтобы, забравшись на свои крыши, залатать там дыры и поправить слой соломы. Завершив работу, они посидели еще некоторое время наверху, присев на корточки и молча осматриваясь. Им было занято понаблюдать со своей выгодной позиции и за происходящим в соседнем дворе, и за движением на улице. Они могли видеть румынских солдат, вышедших на патрулирование и рыскающих, как хищники, по путанице деревенских закоулков. Как это ни удивительно, но румыны практически не встречали на своем пути дворняг, поскольку те научились держаться от них на безопасном расстоянии.

Марица почувствовала облегчение, когда в эти дни выглянуло солнце. Как только немного потеплело, она переместила Шандора-младшего из дома наружу, поставив его кровать в боковом дворике. Она укрыла сына несколькими одеялами, и тот недвижимо лежал под ними, напоминая ей раненое животное. Марица подтащила поближе скамейку и, устроившись рядом с кроватью Шандора-младшего, подставила лицо солнцу и закрыла глаза. Она ощущала на своей коже солнечное тепло и наслаждалась им. Марица была вынуждена проводить все свои дни в темной, вонючей комнате вместе со своим сыном и чувствовала, что это помещение стало угнетать ее ничуть не меньше, чем неприятельская армия, расквартированная в ее доме. Когда она ощущала на себе бдительные взгляды румынских офицеров, ей начинало казаться, что она оказалась в ловушке. Солнечный, погожий денек и прогулка на свежем воздухе были для нее долгожданной передышкой.

За эти дни Марица в полной мере познала, что такое долг. Она относилась в комнату Шандора-младшего подносы с едой и старые журналы, которые ей предлагали в погребке «Круг чтения», она доставала для сына различные мази и припарки. Когда его друзья появлялись в дверях ее дома, она сообщала им, что Шандор-младший слишком болен, чтобы принимать посетителей. Тетушка Жужи часто сидела с ней в комнате ее сына, и они вместе промывали стены и пол уксусом, чтобы продезинфицировать помещение и избавить его от неприятного запаха.

Сон у Шандора-младшего был весьма беспокойным, и именно в это время Марица внимательно присматривалась и чутко прислушивалась к своему сыну. Она осторожно, словно привидение, наклонялась над ним, никогда, однако, не прикасаясь к нему. Она отмечала бледность его кожи. Она придвигала поближе лампу, чтобы при ее свете рассмотреть его волосы, которые становились все более ломкими. После этого она отстранилась, не переставая следить за его дыханием – и ожидая, когда оно прервется.

* * *

Среда, 19 ноября

Ночью ощутимо похолодало, и короткая череда теплых дней резко оборвалась. На рассвете Марица разожгла в доме огонь во всех печах, и завтрак ожидал румынских офицеров в уютном тепле гостиной, где Марица разложила для них на столе еду.

Дверной проем и оконные рамы были занавешены от сквозняка кусками ткани. Чтобы сохранить тепло, вход на чердак также был закрыт одеялом. В доме стало тепло, как в летний день. Обычно утром офицеры сразу же отправлялись на свои посты. Они дежурили в сельской ратуше и в отделении почты и телеграфа, а также в погребе «Круг чтения». Однако сегодня в доме было так уютно, что они решили на этот раз поваляться еще немного. Все они так расслабились, наслаждаясь комфортом, что никто из них не заметил, как Марица выскользнула из дома. Не заметил этого даже Михай.

Марица быстро пробежала через замерзший двор. С дерева свисали сосульки, и, когда она нырнула под него, одна или две упали на нее, обломившись от ее резкого движения.

Добравшись до хлева, Марица изо всех сил дернула замерзшую задвижку. Дверь от сильного толчка открылась, и Марица вошла внутрь. Захлопнув за собой дверь, она прислонилась к ней, чтобы перевести дыхание. На крючок на стене рядом с дверью Михай обычно вешал лампу. Марица сняла ее и зажгла, истратив на это несколько спичек из короба, которые он держал на полке рядом с фляжкой спиртного.

Поставив лампу на верстак Михая, Марица с бешено колотящимся сердцем поспешила к циновке, которая была разостлана рядом с дверью хлева среди ящиков с кормом и помойных ведер. Там лежал Шандор-младший. Он был похож на подстреленную птицу.

Марица склонилась над ним и ощутила запах гниющей плоти. Его кожа была серой, как земля. Шандор-младший казался крайне истощенным, все его лицо было в глубоких морщинах. Стоило только погладить его по голове – и из нее начинали выпадать целые пряди волос.

Марица расправила юбку своего платья и осторожно опустилась на циновку. Она слегка похлопала по куче одеял, которыми укрывала своего сына. Она перетаскала сюда Шандора-младшего ночью. Ей это далось с большим трудом, и она не была уверена, что справится с этой задачей, пока не завершила задуманное.

Оставшись наедине со своим сыном, Марица начала беседовать с ним с такой откровенностью, словно он был ее сокровенным другом. Он стал невольным хранителем всех ее секретов, тайных планов, безумных проектов. Шандор-младший то приходил в сознание, то терял его – а Марица говорила с ним о его отце, о тех чертах характера, которые привлекли ее к нему, и о тех недостатках, которые были ей неприятны. Она рассказала сыну и о своем браке с лейтенантом в Будапеште, и о Михе. Она вспомнила светлые моменты из своего детства и те обиды, которые она все еще таила на друзей, с которыми она водилась, когда она была маленькой. Она рассказала о своем первом сыне, который родился до Шандора-младшего и вскоре умер от брюшного тифа. Марица разговаривала с сыном, как маленькая девочка со своей любимой куклой.

Через некоторое время она еще раз легонько похлопала по одеялам и всмотрелась в лицо своего сына. Его челюсть отвисла. Она знала, что теперь осталось ждать совсем недолго.

Марице остро захотелось сделать сыну что-нибудь приятное. Она перебрала свои воспоминания и наткнулась на факт, упоминание которого, она была уверена, доставит ему удовольствие. Это был день ее второй свадьбы. Церковь была битком набита гостями. Пришло время петь псалом, и она могла хорошо слышать Шандора-младшего, который сидел впереди с ее родителями и вместе с ними подпевал солисту церковного хора. Гости на той свадьбе отметили, какой у него прекрасный голос. Это было приятное воспоминание. Пожалуй, лучшее из всех, которые у Марицы остались о своем сыне.

Она наклонилась и прикоснулась рукой к его голове.

– Пой, мой дорогой мальчик! – прошептала она. – Спой мне мою любимую песню!

* * *

Марица, спотыкаясь, вышла из хлева. Порывы ветра подхватили ее нижние юбки и попытались закрутить их вокруг ее ног, когда она бросилась к дому обратно через двор.

Стараясь перекричать ветер, Марица закричала:

– Шандор умер! Шандор умер!

Кусочки соломы от циновки, запутавшиеся в ее длинной шали, сдувались ветром на землю, когда она бежала, крича:

– Шандор умер!

По пути Марица присела на корточки, чтобы выглянуть на улицу через щели в заборе. Офицерских лошадей, которые раньше стояли там, запряженные, теперь не было.

Убедившись в этом, Марица поспешила подняться по обледелым ступенькам в дом, распахнула дверь и начала звать Михая. До прихода румын он обычно проводил утро в погребе «Круг чтения», но теперь часто уединялся в доме одного из своих друзей или отправлялся на прогулку в лес, подальше от любопытных глаз румынских солдат.

На обеденном столе все еще громоздились грязные тарелки и кастрюли, в печи продолжали потрескивать горящие поленья. В доме было тепло и тихо, стояла атмосфера благочестия и безгреховности.

Но Марица помнила, что нельзя медлить, поскольку старинные ритуалы по оберегу живых от душ недавних умерших следовало исполнить быстро, пока у духа мальчика не появился шанс поселиться в ее доме, чего ей совсем не хотелось. Она поспешила к часам, которые висели на дальней стене над ее любимым патефоном, потянулась через него и положила свою изящную дрожащую руку на маятник. Тиканье прекратилось. Было чуть больше половины одиннадцатого.

Затем Марица схватила со стола кувшин и плеснула из него воду в печь, чтобы погасить пламя. После этого она потушила огонь и под кухонной плитой. Она знала, что вскоре в доме начнет холодать, но традиция запрещала в течение этого дня разжигать и поддерживать огонь.

Кусочки льда со двора, застрявшие в подошвах ботинок Марицы, начали оседать на пол и таять, образуя небольшие лужицы позади нее, когда она бегала по дому. В глубине дома она чувствовала запах Шандора-младшего сильнее, чем в прихожей. Марица вспомнила, что еще следует непременно сделать – и побежала мимо комнаты сына в свою спальню, где перевернула зеркало лицевой стороной вниз.

Тетушка Жужи первой появилась в доме Марицы. Она вызвала Михая, чтобы он известил друзей Шандора-младшего о его смерти. После этого он вместе со своими друзьями отправился на кладбище, чтобы выкопать могилу.

Повитуха тем временем послала одну из соседок за бондарем снять мерки с тела для гроба, другую – за звонарем.

Когда последний появился во дворе, тетушка Жужи осматривала тело мальчика в хлеву. Она встретила звонаря и побрела с ним к курятнику. Там она открыла задвижку на дверце и, широко раскрыв ладони, схватила одну из кур, которые сразу же пришли в полную панику. Крепко держа перепуганную птицу, повитуха вынесла ее из курятника к звонарю, который ловко вырвал перо. После этого тетушка Жужи бросила истошно кричащую курицу обратно в загон и вернулась к циновке, на которой лежало тело Шандора-младшего. Она внимательно наблюдала за тем, как звонарь поднес перо ко рту Шандора-младшего. Перо не пошевелилось. Звонарь поднес перо к носу мальчика, но и здесь оно не дрогнуло.

После этого звонарь объявил Шандора-младшего мертвым.

Он спросил тетушку Жужи, какую причину ему следует записать в книге регистрации смертей.

– Чахотка, – ответила повитуха, не колеблясь; это было первое, что ей пришло в голову. – Туберкулез легких.

Когда звонарь уже уходил, появился бондарь со своим инструментом, чтобы измерить тело. К полудню у него будет готов гроб, выкрашенный в ярко-синий цвет – точно в такой же, в который тремя годами ранее был выкрашен гроб Иштвана Джолджарта.

* * *

Звонарю предстояло оповестить деревню о кончине Шандора-младшего. Но сначала он отправился в дом пастора Тота, чтобы сообщить ему об этой смерти. От дома пастора до церкви было уже рукой подать.

Звонарь поднялся на колокольню и встал там покрепче, широко расставив ноги. На колокольне было два колокола, и веревка, привязанная к «языку» меньшего колокола, так называемого «колокола похоронного звона», висела сейчас перед ним. Звонарь схватил ее обеими руками и дернул на себя. «Язык» ударился о колокол, издав оглушительный звон. Звонарь ухватился покрепче за петлю веревки и снова потянул ее для следующего удара, и еще раз, и еще! После ста пятидесяти ударов звонарь перешел к колоколу побольше и отзвонил на нем тоже сто пятьдесят раз.

Закончив, он спустился вниз, открыл нараспашку двери церкви и встал на пороге. Перед церковью уже собралось множество людей. Торговцы с улицы Арпада стояли в дверях своих магазинов, внимательно прислушиваясь. В кузнице тоже прекратился звон молота по наковальне, и кузнец вышел наружу своей мастерской.

– Сегодня утром в возрасте двадцати трех лет скончался Шандор Ковач-младший, сын покойного Шандора Ковача-старшего и Марицы Шенди, – прокричал звонарь.

* * *

Во второй половине дня Михай вернулся с кладбища. Он был весь в грязи. Его волосы, руки, лицо, старое пальто, которое он обычно надевал во время охоты, – все было покрыто коркой грязи. Создавалось впечатление, что грязь не налипла лишь на его глаза. Тем не менее крупинки грязи смогли попасть на его брови и теперь свисали с них. К моменту возвращения Михая в деревню грязь на нем уже высохла и превратилась в хрупкие безобразные лохмотья, которые отваливались при каждом его шаге.

Руки Михая были покрыты небольшими, но многочисленными царапинами от веток с листвой, которыми он укрывал пока еще пустую могилу. Он следовал обычаю, согласно которому надо было поступить именно так, чтобы злые духи не проникли внутрь могилы в течение ночи и не устроили бы там себе уютный дом. Это также должно было отпугнуть мелких животных, которые после наступления темноты шныряли по кладбищу для неимущих.

Михай был совершенно измотан. Неделью назад ему исполнилось пятьдесят три, и он понял, что уже не готов справляться с тем, что под силу лишь юноше. А копать промерзшую землю было все равно что работать на каменоломне. Завершив копать, Михай поправил на могиле полуразрушенный крест высотой чуть больше полуметра: «Здесь покоится Карл Ковач, который прожил девять месяцев. Умер в 1895 году». На другой стороне вскоре должна была появиться новая надпись: «Здесь покоится Шандор Ковач-младший, проживший двадцать три года». Шандора-младшего решили похоронить поверх своего брата в той же могиле.

Надпись на кресте была предельно простой. За все эти годы на ней появилось лишь несколько зазубрин и царапин. Марица отказалась от предложения заменить этот крест. Не было никакой необходимости тратить деньги на мертвых.

* * *

Румынские офицеры, жившие в доме Михая и Марицы, принесли им соболезнования в связи с тяжелой утратой и сообщили, что эту ночь они решили провести в деревенской ратуше.

Когда они ушли, тетушка Жужи, Лидия и Мара начали заниматься телом умершего в соответствии с принятыми правилами. Они перевязали подбородок Шандора-младшего бечевкой, чтобы его рот не открывался, чисто выбрили его лицо, что оказалось достаточно деликатной задачей, поскольку из-за мышьяка кожа Шандора-младшего стала сильно шелушиться и заметно постарела. На ней образовалось множество складок и морщинок, которых обычно не бывает у юношей.

Марица продолжала считать, что нет необходимости тратить деньги на мертвых. Закапывать монеты тем более было пустой тратой денег, поэтому тетушка Жужи оторвала от белой бумаги, в которую она заворачивала свой флакон с настойкой, два кусочка в форме кружков, чтобы прикрыть глаза Шандора. Это должно было отогнать от него злых духов.

Женщины сняли с Шандора-младшего испачканную одежду и вымыли его тело тряпками, смоченными в мыльной воде. Тетушка Жужи обычно еще смазывала тело уксусом, чтобы придать коже розовый вид, но в случае с Шандором-младшим это было излишне, так как здесь вряд ли можно было добиться необходимого результата.

Марица ничем не могла помочь женщинам. Она металась по дому взад и вперед, перебегая из комнаты в комнату, как взволнованный ребенок. Она зачем-то принялась возиться с мебелью, передвигая каждый предмет на сантиметр-два то в одну, то в другую сторону. Затем, прекратив это нелепое занятие, она стала нервно тереть свое ожерелье, напевая при этом в рассеянности какую-то мелодию, как часто делала, когда была встревожена или раздражена. Только после того, как тетушка Жужи отругала ее, она замолчала. В течение всего этого дня тетушке Жужи приходилось неоднократно ставить Марице на вид ее поведение, напоминая, что ей следует вести себя как матери, которая понесла тяжелую утрату.

Наконец женщины одели Шандора-младшего. Они взяли ту же одежду, в которой он был на похоронах своего отца два года назад. На подготовку тела было потрачено несколько часов, однако повитуха продолжала испытывать беспокойство: тело мальчика выглядело совершенно иссохшим, и те, кто придет на похороны, могли заподозрить неладное.

Тетушка Жужи слегка приподняла Шандора-младшего. Он был легким, как прибитая к берегу реки небольшая высохшая коряга. Тело весило не больше 30 килограммов.

Повитуха отнесла тело в гостиную. Обеденный стол в ней отодвинули в угол, а между двумя стульями положили две доски, чтобы соорудить «холодную постель». Наклонившись, тетушка Жужи аккуратно положила тело на нее.

К этому времени в доме стало невыносимо холодно. На внутренней стороне оконных стекол образовался слой льда. Стены в доме на ощупь были влажными. Тетушка Жужи могла видеть, как у нее и у других женщин изо рта вырывался пар. На ней было несколько нижних юбок, однако она все равно сильно мерзла, словно лежала в снегу лицом вниз. От холода у нее заныли суставы. Однако, пока тело умершего находилось в доме, зажигать огонь было нельзя.

Повитуха слышала, как Михай во дворе приветствовал тех, кто пришел проститься с Шандором-младшим. Спустя некоторое время в дом вошла большая группа людей, образовав круг за женщинами, стоявшими рядом с телом. Эти женщины, казалось, очертили вокруг Шандора-младшего условную границу, которую его друзья не осмеливались нарушить.

– Боже, утешь тех, у кого на сердце печаль, кто остался один, и заberi мертвых в царство небесное, – монотонно повторяли пришедшие проститься.

– Да услышит вас Бог, – отвечала Марица, не поднимая головы.

Вскоре тетушка Жужи, Лидия и Марица начали плакать и пронзительно причитать. Каждый раз, когда в дом входил очередной друг Шандора-младшего, желавший проститься с ним, и произносил положенные в этом случае слова, их плач и причитание становились все громче. При этом если повитуха и Лидия в основном плакали, то Марица причитала, нанизывая одно на другое в длинную цепочку слова печали и скорби.

Скорбящих быстро выпроваживали из дома. Им не разрешалось вплотную подходить к Шандору-младшему и всматриваться в него, им не разрешалось надолго задерживаться в гостиной. Каждому из них на прощание отводилось буквально несколько секунд. Чувствуя себя отвергнутыми и обманутыми, ближайшие друзья Шандора-младшего собрались в хлеву дома Михая. Некоторые, чтобы сесть, использовали пустые перевернутые ведра, другие опустились на циновку, не подозревая, что Шандор-младший испустил на ней свой последний вздох. Собравшиеся сняли с полки фляжку Михая и передали ее по кругу. Затем нашелся кувшин со спиртным, хранившийся в шкафу. Друзья Шандора-младшего могли слышать женский плач и причитания в доме, хотя на расстоянии эти звуки стали носить несколько таинственный характер. Было также слышно, как некоторые старики поют в доме псалмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.